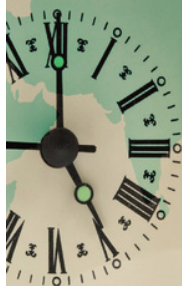

YAM publishing

MOSCOW

TOKYO

Юрий Быков

Московское Время

сборник повестей и рассказов

Юрий Быков

Московское Время (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12473023
Московское Время (сборник): YAM Young Authors' Masterpieces
Publishing; 2014
ISBN 978-3-659-99661-0

Аннотация

Императрица Екатерина Великая писала: «Я вовсе не люблю Москвы (...) Москвичи всегда готовы сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущаются по малейшему поводу, страстно любят рассказы об этих возмущениях и питают ими свой ум». Нелестная характеристика... Но присущ ли москвичам по-прежнему мятежный, беспокойный дух? С героями этого сборника повестей и рассказов читатель побывает в разном московском времени. Из дома, что неподалеку от Мясницкой улицы, он перенесется в будущее, побывает в прошлом. Из прошлого герой рассказа «Шерстов. Жизнь». В будущем происходит действие рассказа «В поисках истины», а герои рассказов «Отдых как испытание», «Казус», «Жили-были» и других – наши современники. Справедлива ли характеристика, данная императрицей москвичам, решать историкам, какие москвичи теперь и так ли отличаются они от других россиян –

судить читателю. Книга адресована всем, кто любит настоящую русскую прозу.

Содержание

Мясницкая, напротив Почтамта	7
Часть 1	7
1	7
2	11
3	16
4	20
5	22
6	26
7	30
8	36
9	44
Часть 2	46
1	46
2	50
3	55
4	63
5	68
6	70
7	78
8	81
Часть 3	85
1	85
2	95

Конец ознакомительного фрагмента.

Юрий Быков
Московское
Время (сборник)

© 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG Alle Rechte vorbehalten

Мясницкая, напротив Почтамта

Часть 1

1

Поднимаясь в квартиру, Софья Дмитриевна из последних сил боролась со сном. Впрочем, более чем боролась, она истомно его предвкушала, – зная, что совсем скоро ощутит шелковистую прохладу постельного белья и подушка, дохнув ароматом, упруго промнется под головой и все закружится на секунду, а потом настанет что-то неясное и счастливое – этот упоительный сон без сновидений.

В прихожей, как только горничная, приняв ее шубку и пальто мужа, удалилась, Алексей Арнольдович обнял Софью Дмитриевну сзади и поцеловал в шею, под прическу. Побежавшие по спине мурашки, сладковатый запах сигары с коньяком, показалось, взбодрили, и она решила, что надо бы ответить мужу лаской. Да, да, обязательно надо... Но что же это так кресло притягивает? Я сейчас... Только посижу немного...

Проснулась Софья Дмитриевна через пару часов, разбитая, усталая. Позвала:

– Глаша! Помоги!

– Иду, барыня!

– Где же Алексей Арнольдович?

– Так с визитами поехали. Нынче ж первое число.

– Ах да! Бедный... бедный...

Выбравшись из пышного платья и лежа уже в кровати, она несколько минут не могла уснуть, огорченная тем, что не случился у нее тот желанный сон, и теперь уж, наверно, не случится, а то, что ей явилось вместо, было чем-то серым и душным, как теплый туман.

Вскоре ей привиделся ротмистр Яковенко, который голубоглазо сияя, изрекал безыскусный каламбур: «Предвкушать бывает слаще, чем вкушать». И это было именно так, хотя ротмистр ничего иного, кроме женщин, иметь ввиду не мог.

Потом Софья Дмитриевна торопливо шла по Неглинной, испытывая отчаяние: на домах, если и попадались, то только зеленые билеты – те, что говорили о сдаче в наем комнат, и ни одного красного, предлагающего квартиру. Тут же вполне закономерно появилась Вера Николаевна; переливая, как всегда, букву «л» в букву «в», она жаловалась «говубушке Софье Дмитриевне», до чего трудно сейчас нанять квартиру. Вот им с мужем удалось найти только из пяти комнат, а где содержать прислугу? Можно ли обойтись без гостиной, столовой, спальни и кабинета? Ну да, у них нет детей и можно обойтись без детской, но все равно... безобразие!

Им с Алешей тоже пока Бог детей не дал... Но они моло-

ды, и все еще впереди... Она увидела Алексея Арнольдовича, который стоял в вицмундире перед огромным зеркалом в их спальне и подкручивал усы. Они у него острые на концах, а перед этим завиваются в тугие трубочки. Щекотят всегда, но не колются. Да, не колются... Софья Дмитриевна любила мужа.

Она открыла глаза: Алексей Арнольдович целовал ее в щеку.

– Ты вернулся? – улыбнулась она. – Который час?

– Семь вечера.

– Как я тебе сочувствую! После бессонной ночи весь день на ногах!

Софья Дмитриевна села в кровати, окинула себя в том самом огромном, в массивной оправе зеркале, перед которым ей только что снился муж и которое досталось им от прежних хозяев квартиры. «Немного веки припухшие. А так ничего – глазки блестят, щеки со сна румяные, волосы еще не развились, лежат колечками на плечах...» Оставшись собою довольна, она подумала о зеркале: «Ему совсем не место в спальне. Сказать, чтоб перевесили в гостиную. Или прихожую». И вернулась к разговору:

– Откуда взялась эта нелепая традиция: непременно первого января наносить визиты начальству?

– Не нами придумано, не нам и отменять, – сказал Алексей Арнольдович, устало погружаясь в кресло. – Не сердись, милая, что я вот так – в мундире... Сейчас минутку пере-

дохну и переоденусь.

– Не торопись. Мне нравится, когда ты в мундире.

Статный, с двумя орденами – Анны и Станислава – Алексей Арнольдович, конечно, был хорош. Особенно привлекало его лицо, которое удивительно сочетало в себе мягкость и волю. Было оно крупное, вытянутое, скуластое, с бороздами-складками, бегущими от крыльев носа под холеные усы, и светлым взглядом улыбчивых глаз.

– И все-таки, Алеша, согласишься: эти визиты с обязательным чаепитием необычайно докучливы для обеих сторон! Хорошо лишь прислуге: полтинник швейцару, рубль лакею – так ведь, кажется?

– Ты прекрасно осведомлена, Софи.

– Ты сам мне рассказывал о расходах «на вход». Право, Алеша, почему бы тебе не делать так, как теперь некоторые поступают – вместо отдачи визитов объявляют через газету о пожертвовании денег на благотворительность.

– Новшество, о котором ты говоришь, далеко не каждому начальнику по душе.

– И ты, конечно, в их числе, – вздохнула Софья Дмитриевна.

– Увы, – улыбнулся Алексей Арнольдович. – Нашим визитерам назначено после восьми. А чтобы ты не слишком огорчалась – вот, – он вынул билет из плотной белой бумаги, – приглашение на Предводительский бал в Благородном собрании...

Через мгновение Софья Дмитриевна уже стояла перед мужем и со счастливым лицом вчитывалась в приглашение.

2

На следующий день Софья Дмитриевна проснулась в привычный свой час, когда муж обычно уже бодрствовал. Однако Алексей Арнольдович продолжал тихо спать, закинув за голову руки. Было очевидно, что после вчерашних испытаний скоро он не проснется, поэтому Софья Дмитриевна распорядилась подать себе кофе. В ожидании завтрака она подошла к окну.

Взгляд, как всегда, потянулся к Меньшиковой башне. Золотом светился ее шпиль, похожий на чалму или на пламя свечи – разные сравнения бытовали. С высоты третьего этажа целиком был виден верхний ярус с белыми пилястрами, выкрашенный в нежно-розовый цвет. На солнце казалось, что цвет этот – не краска, а кусочек нерастаявшей зари, и вся башня была какая-то снежная, ясная, как сегодняшний морозный день.

А еще пару лет назад она не могла видеть ни это чудо, ни саму красавицу – Москву, хотя она ей родной город. Отсюда семейство ее после смерти отца перебралось в Саратов, под опеку брата ее матери.

Софье Дмитриевне было тогда... два года от роду. Ну а дальше все как у всех девочек ее круга: беззаботное

детство, не слишком усердное, а потому, наверно, и обременительное, обучение в гимназии, замужество. Софья Дмитриевна не была бесприданницей: дядя ее, Николай Всеволодович, человек состоятельный и одинокий, возглавил семейство своей несчастной сестры и стал ее детям отцом. Он же и о женихе позаботился. Им стал губернский чиновник Алексей Арнольдович Бартеньев, имевший в свои тридцать с небольшим чин коллежского асессора и Станислава в петлице. Способности его были, безусловно, незаурядны, а потому назначение в Москву, состоявшееся через год после заключения брака, выглядело вполне закономерным. Хотя не обошлось тут и без определенных протекций, в чем немалую роль сыграл все тот же Николай Всеволодович. Старик, конечно, всплакнул, отправляя свою любимицу в Первопрестольную, но не поколебался в уверенности, что живать Софьюшке и в самом Санкт-Петербурге.

По приезде в Москву Софья Дмитриевна и Алексей Арнольдович остановились в гостинице, рассчитывая в скором времени отыскать себе жилье – им было и невдомек, что нанять квартиру стоит больших трудов. Те мытарства иногда даже снятся Софье Дмитриевне в нехороших снах. Кто знает, сколько бы ушло на это времени, если б один из коллег Алексея Арнольдовича, выходя в отставку, не решил съехать со снимаемой квартиры. Ее-то он, так сказать, и передал из рук в руки Бартеньевым.

Квартира оказалась просторной – из шести комнат,

и необычайно удобной – с электричеством, газом, водопроводом и канализацией. Правда, в подаче воды случались перебои, и время от времени засорялась канализация. Но так было и в других немногочисленных домах, приобретенных к благам цивилизации. Алексей Арнольдович прочитал недавно Софье Дмитриевне заметку в «Московских ведомостях»: рабочие при устранении засора извлекли из канализационной системы цепь мирового судьи. Оба долго смеялись. А вообще-то их московская жизнь вполне наладилась, и мелкие неурядицы не в состоянии были перебить приятного вкуса этой жизни.

Алексея Арнольдовича на новом месте также заметили, оценили. Недавно он был пожалован орденом святой Анны 3 степени и, судя по всему, следовало вскоре ожидать чин надворного советника.

Свободное время Алексей Арнольдович всегда проводил с супругой; он не пьянствовал, не играл в карты, не волочился за дамами. Да что там «волочился»! Даже вчера, на встрече Нового года в ресторане «Прага», где было немало красавиц, обращавших на него благосклонные взгляды, он не отходил от Софьи Дмитриевны ни на шаг! Особое неравнодушие проявляла Базилевская. Конечно, никто, в том числе и Алексей, не смог бы оставить без внимания этот ее изящный туалет – на черном шелке белая кружевная туника, ожерелье из изумрудов, – да и сама она со своими большими оливковыми глазами – чего уж там! – хороша собой... Впро-

чем, кто сказал, что Софья Дмитриевна хуже?! Уж верно ее Алексей так не считает! Они прекрасно провели время вдвоем. Ну и еще с Верой Николаевной и ее мужем – сослуживцем Алексея. А еще шумел невдалеке этот ротмистр Яковенко – она даже не помнит, когда тот был им представлен. И все-таки...

– Барыня, – позвала Глаша, – завтрак подан.

Софья Дмитриевна, бросив последний взгляд на башню Меньшикова, сладко потянулась. Может, и справедливо утверждают, что счастье не знает, что оно счастье и что ему не суждено длиться вечно, но Софья Дмитриевна чувствовала себя счастливой каждый день. Разумеется, это говорила в ней интуиция – ведь сравнениям, по большому счету, взяться было неоткуда, а мудрость пока не пришла, но чем еще могла быть та радость, с которой она просыпалась даже самым пасмурным утром?!

«Как славно, – думала она за завтраком, – до окончания Святков целых четыре дня, и значит, Алексею не нужно ходить на службу. Хотя почему четыре? Нынешний день еще не прожит! Получается целых пять! Сегодня они едут на Воробьевы горы – там над водонапорным резервуаром недавно соорудили смотровую площадку (сказать Алеше, чтобы шубу надел, а то в пальто недолго и простудиться), оттуда наверняка заедут в ресторан... А завтра – бал! Еще с осени готов бальный наряд – на Святки всегда приходится бывать на балах. Но бал в Дворянском собрании – особый, на нем

будут присутствовать Их Императорские Высочества, и о нем обязательно напишут репортеры.

Вдруг ей вспомнился другой бал, наделавший много шума в Москве. Софья Дмитриевна сделала глоток из чашки и замерла от удовольствия. Она и сама не знала, что именно предпочитает пить: кофе с нежными сливками или сливки с ароматным кофе, поскольку любила, чтобы и того, и другого в ее чашке было поровну. Потом она улыбнулась. Тот бал был частный, купеческий. Как сообщали газеты, кавалеры явились в красных фраках, а дамы босыми, в одних сандалиях – в полном соответствии с оздоровительной теорией модного доктора Кнейпа. Все, безусловно, сочли такое поведение недопустимым чудачеством, а Софье Дмитриевне показалось это только озорством. Правда, сама она в таком спектакле никогда бы участвовать не стала.

– Ты уже позавтракала? – Алексей Арнольдович вышел из спальни.

Она кивнула.

– Что читаешь? – пристроился он на подлокотнике кресла, в котором сидела Софья Дмитриевна.

– В журнале «Вокруг света» публикуют новый приключенческий роман. Помнишь, я тебе о нем рассказывала?

– Ах, да... Что-то про путешествие во времени...

– Невозможно оторваться – так интересно.

– Однако придется. Не забыла, что мы на Воробьевы едем?

– Помню, помню. А ты не забудь шубу надеть, в пальто будет холодно.

– Всенепременно. Я с умницей – женой никогда не спорю.

Уже в дверях, направляясь принимать ванну, он остановился:

– Софи, а не стоит ли перевесить зеркало из нашей спальни?

– Да, да, я как раз хотела позвать Никиту, чтобы перевесил в гостиную или прихожую.

– Полагаю, в прихожей зеркалу самое место.

3

Ах, как чудно прошел день! Такой Москвы, какой предстала она с Воробьевых гор, Софья Дмитриевна еще не видывала – ни с колокольни Ивана Великого, ни с самого высокого, недавно выстроенного восьмиэтажного дома у Красных ворот – огромной, сверкающей! Отсюда были хорошо различимы ее границы, за которыми даль вскоре смыкалась с голубовато-дымчатым небом. Между прочим, оказалась она вовсе не белокаменной, а, главным образом, из красного кирпича. А еще повсюду было рассыпано сиянье куполов ее церквей, которых у Москвы, как известно «сорок сороков». Обедали там же, в ресторане Крынкина. С раками. Потом отправились на прогулку. Удивительно хорошо было ехать в синих сумерках. К сожалению, вскоре их погасила Ночь.

Увы, у Природы есть только Свет и Тьма, День и Ночь, а полутона нестойки. Впрочем, люди дерзки и не во всем согласны с Природой: чтобы потеснить Ночь, они придумали Вечер, который в Москве бывал всегда шумным от развлечений и ярким от электрических огней.

Проезжая мимо Зоологического сада, Софья Дмитриевна обратила внимание на афишу «Живая этнография». Что бы это могло быть? Посмотрим? На свободной площадке стоял чум, возле него – семейство самоедов: отец, мать, четверо их детей. Здесь же находилась пара запряженных в нарты оленей. Глава семейства – щуплый, узкоглазый человек с непокрытой головой, в короткой, без пол шубе – угрюмо приблизившись, произнес высоким голосом: «Пожалуста, однако, кататься на олешках».

Они отказались и тут же ушли. Впечатление от чудесно прожитого дня чуть не испортил этот эпизод: мыслимо ли выставять людей в зоосаде, как диких животных?!

– Да, милая, мир жесток, – говорил Алексей Арнольдович, когда они ехали в санях, – а смягчение нравов процесс длительный... Он взял ее за руку. – Может, в синематограф?

– Устала, – улыбнулась она ему, – хочется домой.

Принимая одежду, Глаша сказала:

– Не придет Никита.

– Отчего же?

– К нему брат из деревни приехал. Третий день пьют. Его уж и участковый страшал, что из дворников выгонят,

а тому все нипочем.

– Ну так скажи Василию, швейцару.

Глаша обидчиво взглянула на Алексея Арнольдовича. В ней было много света: золотистые волосы, пшеничные брови, рыжие конопушки, желтые глаза, – и это, увы, не делало ее красавицей. Софья Дмитриевна оттого жалела ее; сама же она, к тому же рослая, широкой кости, нисколько не смущалась своей некрасивости. Глаша вообще была девушкой бойкой.

– Что же я, барин, недогадливая что ли? Только Василию Степановичу спину скрутило, никак не может.

– Ну ладно, обождем, не горит же, – отбросил Алексей Арнольдович мысль о зеркале. – Верно, Софи?

Однако, судя по тому, что Алексей Арнольдович тут же направился в спальню, эта мысль, как порой и случается с пустяковыми мыслями, вовсе не улетучилась, а, наоборот, – втиснулась в мозг. Софья Дмитриевна последовала за мужем.

Алексей Арнольдович немного постоял перед зеркалом, видимо, в очередной раз, поражаясь его размерам, потом решил заглянуть за него, чтобы увидеть крепление на стене. Он взялся с одного края за тяжелую оправу, слегка потянул на себя – и... зеркало отъехало вместе со стеной, как если бы оно было дверью. Алексей Арнольдович и Софья Дмитриевна застыли в том оцепенении, которое наступает, если рассудок встречается с непостижимым. Из оторопи их начал вы-

водить свет, точнее осознание того, что он горит где-то там, в глубине открывшегося пространства. Видя, что Алексей Арнольдович собирается шагнуть туда, Софья Дмитриевна воскликнула:

– Алеша! Прошу, не надо!

– Только ты не ходи, – сделал он предостерегающий жест.

Софья Дмитриевна осталась одна. Впрочем, уже вскоре она решительно шла по узкому коридору, доведшему ее до глухой комнаты со столом посередине, на котором горела свеча. Алексей Арнольдович стоял у стены, рассматривая портрет какой-то дамы в напудренном парике. Он повернул голову на ее шаги и улыбнулся.

– Я знал, что ты придешь. Ну что ж, извольте видеть – потайная комната. Как в авантюрном романе. А на оправе зеркала несомненно имеется кнопка механизма открывания двери. На нее я случайно нажал и вот – тайна нашей спальни раскрыта!

– Но кто зажег свечу? – встревоженно спросила Софья Дмитриевна.

– Меня тоже беспокоит этот вопрос. Давай присядем, – указал он на два стула, придвинутых к столу. Спинки их, казалось, были чересчур выгнуты, тем не менее, сидеть на этих стульях оказалось удобно.

– Хорошо бы еще узнать, кто и когда устроил эту комнату... – продолжил Алексей Арнольдович.

Вдруг в глазах Софьи Дмитриевны его изображение на-

чало слоиться, как слоятся на зное дальние предметы. Она схватила его за руку, и все провалилось в тьму.

4

Когда вокруг стало бело, Софья Дмитриевна увидела себя и Алексея... на Мясницкой улице, напротив Почтамта. Скользнуло чувство успокоения – до дома рукой подать, а там уж... Но только скользнуло: совсем ненадолго смогла эта извечная надежда на родные стены затмить и растерянность, и страх перед происшедшим. По неосмысленным до конца признакам Софья Дмитриевна начала догадываться: перед нею картина, знакомая лишь отчасти. Чем яснее проступали эти признаки, тем драматичней воспринималась ею реальность, которая оборачивалась чужим, не ее миром.

Почтамт, чайный магазин и дом генерала Юшкова за спиной Софьи Дмитриевны оставались прежними, но от Боброва переулка, вместо церкви и домов тянулся теперь вдоль улицы сквер. А куда исчез целый квартал с Мясницкой площади?! И еще бросалось в глаза массивное, нависающее будто бы из-под самого неба серое здание, возникшее на противоположном углу площади, где еще вчера находился дом с булочной – кондитерской. На его крыше высились синие буквы БАНК ВТБ 24. Что-то настораживало в этой надписи. Ах, да: в слове «банкъ» не хватало твердого знака. Но самое удивительное заключалось в том – и как это Софья Дмитри-

евна не отметила сразу?! – что улица текла. Да, да, мостовую до краев заполняла медленная, разноцветная река невиданных ею доселе авто... А еще прохожие, одетые по неведомой моде... Стоял теплый, наверно, летний день, и хотя Софья Дмитриевна и Алексей Арнольдович попали сюда как были дома – без верхней зимней одежды, окружающие все равно озирались на них. Правда, на «тройку» Алексея Арнольдовича никто особенно не заглядывался, зато длинное платье Софьи Дмитриевны привлекало к себе всеобщее внимание.

– Во, артисты из театра сбежали! – показал на них пальцем молодой человек с множеством мелких колец в обоих ушах. Судя по его сандалиям на босу ногу, был он приверженцем системы доктора Кнейпа. Одетый в короткие штаны, какие носят на помочах дети, правда, без помочей (а, может, они скрывались под желтой рубашкой без рукавов и без пуговиц, с одной только прорезью для головы), выглядел он довольно нелепо. Оба его компаньона по виду мало чем от него отличались.

– Что вы себе позволяете? – шагнул к нему Алексей Арнольдович.

– Ладно, ладно, мужик, ты чего? – отступил поближе к товарищам молодой человек.

«Мужик?! – поразилась Софья Дмитриевна. – Да какой же Алексей Арнольдович мужик?!» И тут же цепь изумлений сдвинулась еще на одно звено, которым стала увиденная ею надпись на рубашке молодого человека: «Как ни крутись,

а жопа сзади!»

Она не поверила своим глазам – такое в обществе людей невозможно!

Софья Дмитриевна крепко, до головокружения, зажмурилась, а когда разомкнула веки, обнаружила себя... в потайной комнате.

5

Она в одиночестве сидела на стуле.

– Алеша! – позвала Софья Дмитриевна.

Он не отозвался.

Миновав коридор, Софья Дмитриевна вбежала в спальню, но мужа там не было. И не было его нигде.

– Да что с вами? – пыталась добиться ответа Глаша. – На вас лица нет! Что случилось-то?!

А Софья Дмитриевна все металась по квартире, пока не упала, обессиленная, в кресло.

– Он остался там, – прошептала Софья Дмитриевна поблекшими губами.

– Кто остался?

– Алеша.

– Где?

– Не знаю... В другом мире...

– Да что вы такое говорите, барыня?

Вдруг Софья Дмитриевна оживилась:

– А Алексей Арнольдович не выходил из дому?

– Да нет. И шуба их вон висит в прихожей.

Софья Дмитриевна закрыла лицо руками и, раскачиваясь, начала повторять:

– Он остался там... Он остался там...

– Барыня, Софья Дмитриевна, – мягко опустилась перед ней на колени Глаша, – ну объясните вы мне все по-человечески!

Софья Дмитриевна порывисто откинула руки, сухо блеснула глазами:

– Объяснить? Пойдем, Глаша...

Она взяла ее за руку и повела в спальню.

Глаша оторопело замедлила шаг, увидев на месте зеркала тусклый свет проема.

– Идем, идем, – преступив черту стены, потянула ее за собой Софья Дмитриевна. – Еще не пришли...

Глаша встала посреди потайной комнаты, озираясь с широко раскрытыми глазами.

– Барыня, откуда все это? – наконец, промолвила она. – Стол, картина... А свечу вы зажгли?.. Стулья какие-то чудные... Уж больно спинки выпирают.

Глаша подошла к одному из них.

– Наверно, сидеть неудобно...

Софья Дмитриевна напряженно смотрела от порога, вся натянутая, как струна, в том горячечном состоянии, когда на что угодно готов, лишь бы отринуть свое горе. И, по-

хоже, способ она нашла.

– Не вздумай! – вскрикнула Софья Дмитриевна. – Не вздумай садиться!

И как-то зловеще улыбнулась:

– Не то будет вот что...

Она быстрым шагом подошла к стулу и села.

Софья Дмитриевна знала, что сейчас наступит мрак, а потом она окажется в том самом ужасном мире, но... рядом со своим Алешей.

Однако оказалась она вовсе не там, где рассчитывала встретиться с мужем. Поначалу Софья Дмитриевна вообще не была уверена, Мясницкая ли это улица, поскольку и Почтамт, и дом Юшкова лишь отдаленно походили на привычные для ее взгляда здания. А вместо чайного магазина Перлова стоял, прижимаясь к земле, одноэтажный деревянный домик, да и дальше за ним тянулись такие же унылые домишки. И лишь в храме на углу переулка однозначно угадывалась церковь Фрола и Лавра.

Вся улица была заполнена людьми, которые на повозках, в каретах или просто пешком, груженные скарбом, двигались в одном направлении. Негромкий гул, сродни протяжному стону, запах общего горя витали над этим потоком. Софья Дмитриевна находилась в стороне от движения, на тротуаре. Иногда мимо верхом проезжали военные. Софья Дмитриевна не слишком разбиралась в мундирах, но ей показалось, что они отличаются от тех, какие носят сейчас офице-

ры. Один из них, гусар (она определила это по неизменным гусарским атрибутам – доломану и ментике), попридержав коня, склонился:

– Сударыня! Нынче холодный ветер! Не угодно ли набросить на плечи?!

Из притороченной к седлу сумки он извлек бежевый платок и с улыбкой протянул его Софье Дмитриевне.

– Мерси, – опешила она.

– Что же вы? Теперь французский не в чести! – с предостерегающей интонацией проговорил он, отъезжая...

«Отчего не в чести? Что это значит?» – недоумевала Софья Дмитриевна.

Впереди, очевидно, появилось какое-то препятствие, потому что людской поток начал замедляться. Напротив, совсем близко остановились две женщины, одинаково повязанные шальями. Одна рассказывала другой:

– Говорят, в среду это случилось. Ястребок залетел на Сухареву башню, на самый шпиль. А у него путы на ногах были, так он ими аккурат в крылья орла угодил, ну, того, медного, что на шпиле. Побился, побился и околел...

– Знак это! – отвечала ей вторая женщина. Не одолеть супостату Расеи! Запутается Бунапарт в крылах нашего орла!

– Вот и молва про то же толкует...

Софья Дмитриевна содрогнулась: господи, да вокруг нее – прошлое! Это осень 1812 года, москвичи покидают город... Что же наделала она! Теперь ей ни за что не свидеться

с Алексеем!

От отчаяния Софья Дмитриевна горько заплакала.

Обе женщины что-то говорили ей, утешая, но она продолжала рыдать. В какой-то момент Софья Дмитриевна поднесла к лицу подаренный гусаром платок и, промокая слезы, крепко сомкнула веки...

И тогда случилось то же, что и в первый раз – она вернулась в потайную комнату!

6

Глаша смотрела на нее опустошенным взглядом. В нем не было ни испуга, ни потрясения, как и присущей человеку разумности. Похоже, осознание самой себя покинуло ее – только лишь Софья Дмитриевна исчезла из виду. Но и теперь, когда та очутилась на стуле снова, Глаша продолжала оставаться в состоянии отрешенности. До тех пор, пока Софья Дмитриевна не обнаружила у себя в руках бежевый платок и не вскрикнула от неожиданности. Только тогда Глаша очнулась, в глазах у нее всполошился страх. Отбежав в угол, она трижды наложила на Софью Дмитриевну крестное знамение.

– Барыня! – осевшим голосом молвила она. – Барыня, вы ли это? Но Софья Дмитриевна ее не слышала.

– Посмотри, – растеряно показала она на платок, – и вещи оттуда переносятся...

– Да что же это происходит?! Объясните вы мне Христа ради! То пропадаете куда-то, то появляетесь...

И через паузу, притихнув, боязливо спросила:

– Вы, барыня, – ведьма?

Софья Дмитриевна ужаснулась ее предположению, точнее тому, что такое возможно подумать про нее, тогда как она – несчастная жертва какого-то загадочного явления! Конечно, сейчас же нужно открыться Глаше, тем более, что злополучная метаморфоза повторилась у нее на глазах, а значит не понадобится разубеждать Глашу в том, что Софья Дмитриевна сошла с ума.

– Что же получается, – подытожила ее рассказ Глаша, – как только человек здесь садится, он тут же переносится на старинную Мясницкую?

– Ты имеешь в виду прошлое? Но то время, в котором оказались мы с Алексеем Арнольдовичем, на прошлое не походило.

– Значит, вы были в будущем?! – изумилась Глаша.

– Мне страшно о таком даже подумать... – печально опустила взгляд Софья Дмитриевна, которая умолчала про надпись на одежде молодого человека. – Ничего я не желаю сильнее, – тихо продолжила она, – как только бы вернулся Алеша... К сожалению, мне неизвестно, что надо для этого сделать...

Но вдруг оживилась:

– Что же я говорю! Конечно, знаю! Это наподобие како-

го-то ритуала! Нужно встать напротив Почтамта и плотно закрыть глаза!

А в следующую секунду сникла:

– Но вряд ли он об этом узнает, потому что и мое знание – только случайность. Как он там? Что с ним?.. Остается лишь на Господа уповать!

– Ну почему же? – воскликнула Глаша.

Ей давно уже не было страшно. Теперь она стояла рядом с Софьей Дмитриевной посередине комнаты, то и дело бросаая цепкие взгляды на стулья. – Можно снова попробовать попасть к Алексею Арнольдовичу. Чего бояться-то? Мы же знаем, как вернуться назад!

– Мы? – рассерживаясь от догадки, переспросила Софья Дмитриевна. – Я запрещаю тебе, Глаша, не только приближаться к стульям, но и заходить в эту комнату!

– Конечно, как прикажете, – с обидой потупилась Глаша, – только почему?

– Да пойми ты: совершенно неизвестно, в каких обстоятельствах можно оказаться! Вот, например, триста лет назад там, где сейчас Мясницкая, наверняка разъезжали на конях опричники. И любой из них, попадись ты ему на глаза, может схватить и умчать тебя неведомо куда. Ты уверена, что сумеешь благополучно освободиться и найти потом нужное место? А, скорее всего, ты его даже не сыщешь: Мясницкая тогда была, наверно, не Мясницкая, а Почтамта и дома Юшкова не существовало вовсе.

– Что вы такое, барыня, говорите! Опричники какие-то... Нечто когда-нибудь по Москве разбойники разъезжали?

– То-то и оно, что разъезжали... И еще много чего случилось!

– Так что же делать?

– Пойдем отсюда, – взяла Софья Дмитриевна Глашу за локоть.

Объяснение с ней, потребовавшее от Софьи Дмитриевны рассудительности, подействовало успокаивающе на нее саму. Теперь происшедшее не потрясало, как прежде, – ведь даже ужас, усмирленный разумом, становится только пережитым страхом.

Они прошли коридором в спальню. Софья Дмитриевна без особого труда нашла и нажала на оправе кнопку. Прорез в стене тут же закрылся, и она увидела себя в зеркале. Во всем – от лица с темными окружками глаз до подола платья, тяжелыми складками упавшего на пол, – сквозила какая-то застылость изваяния – изваяния скорби. Как же глубоко, до самой ее сути, вошла боль! Да и Глаша, всегда светлая, как лужок на солнце, выглядела, будто повисло над ней облако.

– Идем в гостиную, – сбрасывая оцепенение, сказала Софья Дмитриевна.

Потом спросила про кухарку:

– Мы одни дома? Где Клавдия?

– Так она в синематографе. Вы же ей еще утром разреши-

ли пойти.

Софья Дмитриевна опустила в кресло, на подлокотник которого – вспомнила она – еще утром присаживался Алексей Арнольдович, и сердце ее с болью вздрогнуло.

– Запомни, Глаша, она не должна ничего знать. И вообще, никто ничего не должен знать! Пообещай мне, что будешь молчать.

– Да вот вам крест! Разве ж я не понимаю? Только как быть с Алексеем Арнольдовичем? Его же на службе хватятся.

Софья Дмитриевна прикрыла рукой глаза.

– Иди, Глаша. Мне надо побыть одной.

Ничего иного не приходило на ум, как только сообщить об исчезновении мужа в полицию. Конечно, придется солгать, что вечером 2 января он вышел из дома и не вернулся. Но так лучше, нежели она объявит правду, и ее сочтут не в себе. Трудно представить, какие это может вызвать последствия. И самое страшное из них – разлучение с домом (не оставят же душевнобольную на попечение прислуги, а родные ее далеко). Но покидать теперь эту квартиру нельзя ни в коем случае! Иначе пропадет единственная возможность связаться с тем миром, где теперь Алеша.

7

Приехавший к вечеру следующего дня участковый при-

став был вежлив, но угрюм.

– Кулик Василий Геннадьевич, – отрекомендовался он. – Прошу великодушно простить, однако мне теперь же надлежит выполнить ряд процедурных действий.

Все говорило в нем о неудовольствии заниматься этим пустым делом, да еще в Святки. Опыт подсказывал ему, что розыск коллежского асессора не даст, скорее всего, никакого криминального результата.

– Прошу садиться, – указала ему на стул Софья Дмитриевна.

– Сударыня, отчего решили вы, будто с господином Бартеневым что-то случилось? Ведь он всего одну ночь отсутствовал. Тому может быть множество причин, вполне, между прочим, прозаического свойства.

Говоря это, Кулик с осторожностью располагал свое грузное тело на стуле, казавшемся ему довольно хрупким.

– Каких же, например?

– Ну, знаете ли – теплая дружеская компания, карточная игра...

– Вы хотите закончить женщинами легкого поведения?

Кулик одобрительно взглянул – ну вот же, умница, все понимаешь!

– Мой муж не таков...

– Конечно, конечно, – пробормотал он, и глаза его, словно столкнувшиеся с чем-то бесконечно знакомым, устало моргнули.

– А ко всему прочему, сегодня мы должны быть на Предводительском бале в Благородном собрании. Ни при каких обстоятельствах Алексей Арнольдович не допустил бы, чтоб пропустить его.

– Разумеется, разумеется... – взгляд его сонно помутнел, но Кулик тут же встрепенулся. – Ну-с, позвольте начать? Я хотел бы осмотреть все комнаты.

– Что ж, пойдемте. Однако это странно. Уж не думаете вы, что мой муж спрятался где-нибудь под кроватью?

– Не думаю, но таков порядок.

В спальне Кулик задержался перед зеркалом.

– Какое большое, – произнес он, проводя рукой по оправе.

У Софьи Дмитриевны звонко забилося сердце. Она даже испугалась, что Кулик его услышит. В следующее мгновение, конечно же, пришло осознание невозможности этого, однако легче ей не стало. Кулик, словно зная правду и изощренно оттягивая момент истины, все оглаживал и оглаживал раму. Софье Дмитриевне явилась ужасная мысль: «А вдруг ему, действительно, все известно?! Неужели Глаша успела проговориться?»

И тогда Кулик повернул к ней гладкое свое лицо:

– Ну-с, проследуем дальше?

Софья Дмитриевна остро испытала к нему неприязнь, которая стала еще больше, когда по завершению осмотра комнат, Кулик объявил:

– Теперь мне необходимо опросить вашу прислугу. С гла-

зу на глаз.

– То есть в мое отсутствие?

– Прошу великодушно простить, – учтиво поклонился Кулик. – И тем не менее... Так сколько у вас человек прислуги?

– Горничная и кухарка. Как в каждом приличном доме.

– Превосходно, – скорбно поджал пухлые губы пристав, и Софья Дмитриевна мстительно подумала, что у него в доме, вероятно, не так. – Начнем, пожалуй, с горничной.

Софья Дмитриевна очень волновалась, пока Глаша беседовала с Куликом. Она рассчитывала, что когда ее место займет Клавдия, Глаша придет передать состоявшийся разговор, но ошиблась.

Между тем, пристав откланялся, сказав на прощание:

– Вы уж дайте знать, если господин Бартеньев объявится. Все-таки я рассчитываю на благополучное завершение дела.

В прихожей за ним глухо стукнула дверь, и в гостиную торопливо вошла Глаша. Возбужденным шепотом она произнесла:

– Барыня, я все подслушала... Я поэтому задержалась.

– Глаша, это дурно, что ты подслушиваешь!

– Конечно, дурно, – энергично согласилась она, – но это лучше, чем быть змеей, как Клавдия!

– Что ты такое говоришь?

Глаша настороженно обернулась.

– Как бы она нас тоже... не подслушала...

А ведь раньше горничная и кухарка всегда ладили между

собой. Значит, и в самом деле, открылось что-то чрезвычайное.

Клавдия была женщиной с красивым лицом и пышным телом. При том, чем ей каждодневно приходилось заниматься, трудно не обзавестись налитыми бедрами и пухлой, раскидистой грудью. Правда, форм рубенсовской модели Клавдия еще не достигла. В сравнении с Глашей она не отличалась бойким характером, но и нельзя было назвать ее тихоней. Клавдия вела себя ровно, спокойно, разве что тушевалась только, когда Алексей Арнольдович обращался к ней с каким-нибудь пожеланием, например, отведать блинов или съесть борща (а готовила она превосходно!) Тогда в смуглость ее лица вливался медноватый оттенок, а темный взгляд еще больше темнел. Она, в конце концов, его отводила, склоняла черную головку и, ослепив белой стрелкой пробора, негромко отвечала: «Слушаюсь, Алексей Арнольдович».

Софья Дмитриевна, разумеется, догадывалась о причинах этой ее робости, но была спокойна: не во вкусе Алексея Арнольдовича пышнотелые красавицы. Хотя, что ж... То и дело случались неприглядные истории, когда хозяин заводил интрижку с прислугой, особенно, если та бывала не против. Трудно утверждать, что явление это отражало характерную особенность того времени, поскольку впоследствии прислугу сменили секретарши, а потом к ним, похоже, присоединились снова горничные и кухарки. Конечно, стать доминиру-

ющим самцом или нет, всегда зависело от индивида. Уверенная в глубокой порядочности Алексея Арнольдовича, Софья Дмитриевна не беспокоилась относительно Клавдии и мужа. Ну и потому еще, что та была не в его вкусе.

– Хорошо, Глаша, пойдем в кабинет Алексея Арнольдовича, там все расскажешь.

– Так вот: Клавдия заявила приставу – шепотом начала Глаша, но, оглянувшись на плотно закрытую дверь кабинета, заговорила приглушенным голосом, – что у нее с Алексеем Арнольдовичем... что они с Алексеем Арнольдовичем... были... – Глаша все не решалась закончить ужасную фразу, – были любовниками!

– Да она в своем уме? – воскликнула Софья Дмитриевна. – Какой вздор!

– Конечно, вздор! Только она еще сказала, что вы, Софья Дмитриевна, как про то прознали, так его и извели... Уж, не знаю, говорит, как барыня с Глашкой это сотворили, но их рук дело! Все, говорит, в тот вечер по квартире бегали, думали, что я в синематографе, а я лежала у себя в комнате – нездоровилось мне. Они потом в спальне чего-то делали, а когда в гостиную пришли, уговорились никому ничего не рассказывать.

– А что же пристав?

– Похвалил и велел за нами наблюдать. Если что, говорит, сразу беги ко мне... Наверно, надобно ей от места отказать.

– Ни в коем случае! Это только утвердит Кулика в его по-

дозрениях. Не думаю, что он безоговорочно поверил Клавдии. Ведь логично допустить и оговор... оговор своей, так сказать, соперницы... Хотя, какая я ей соперница? Непостижимо! Такое возомнить может только психически больной человек!

– Вот она от своей несчастной любви умом и тронулась...

– Бедная...

– Софья Дмитриевна, вы ее еще и жалеете! Змея она подколодная!

– Не говори так, Глаша!.. Однако нам необходимо ее поостеречься.

Софья Дмитриевна встала, но, качнувшись, снова села на диван, обхватила себя руками за плечи.

– Зябко, – сказала она и потеряла сознание.

8

От случившейся с ней нервной горячки Софья Дмитриевна очнулась утром 16 января. Она лежала на диване в кабинете Алексея Арнольдовича и чувствовала себя вернувшейся из далекого далека. Оттуда дотягивались лишь смутные отражения лиц и голосов.

Доктор Остапенко с белыми усами и бородкой. «Ни в коем случае не беспокоить! Оставить лежать здесь!» – произносит он, и высокие ноты его натужного голоса таят в каких-то ватных клубках, пахнущих эфиром. Глашины коно-

пушки; всхлипывая, она кладет ей на лоб холодное. Высокий тучный человек пытливо смотрит из дверей. Ах да, это же Кулик... А еще рядом больше нет Алеши...

Собравшись с силами, Софья Дмитриевна позвала: «Глаша!» и услышала, как бегут к ней, нетерпеливо приближаются увесистые ее шаги. На пороге Глаша замерла со счастливой улыбкой.

– Ну, слава богу! Мне вчера доктор так и сказал: на утро кризис должен миновать. Теперь дело пойдет на лад!

– Глаша, – протянула к ней руку Софья Дмитриевна, – спасибо тебе...

– Не надо, барыня, – попросила та, увидев у Софьи Дмитриевны слезинку на реснице, – а то я тоже сейчас заплачу...

– Хорошо, хорошо... А какое сегодня число?

– Так шестнадцатое января.

Софья Дмитриевна забеспокоилась:

– Что на службе Алексея Арнольдовича? Там знают о случившемся?

– Знают. Кулик сам к начальству ездил. До того, как пропасть...

– Пропать? – недоуменно подняла брови Софья Дмитриевна. – Ты о чем?

– Мне, Софья Дмитриевна, много о чем нужно вам рассказать.

– Так скорее рассказывай!

– Вы только не волнуйтесь. И простите меня Христа ради,

потому что из-за меня все случилось...

А произошло вот что.

Тринадцатого января, в полдень, когда жар у Софьи Дмитриевны ненадолго отступил и она заснула спокойным сном, Глаша вошла в ее пустую спальню. Глаша, конечно, понимала, что нарушает запрет, но слишком велик был для нее соблазн изведать полет во Времени. Именно полет, потому что само Время ее мало интересовало: занесет еще, не дай бог, к этим опричникам... Главное, с места не сходить и вовремя зажмуриться.

Увы, ничего замечательного в полете не было – просто как будто теряешь сознание. Да и как-то странно переместилась Глаша во времени, поскольку попала она вовсе не в прошлое. Судя по привычному виду Мясницкой и одежде прохожих, это было настоящее. Даже метель, все также вилась, посвистывая, вдоль домов.

– Аглая Спиридонова, если я не ошибаюсь? – услышала она справа от себя знакомый голос, умягченный интонацией вежливости. Глаша повернулась и увидела Кулика. – А я как раз к Софье Дмитриевне иду. Не изволите ли со мной проследовать?

«Зачем ему барыня в горячке? – подумала она. – А я ему зачем? Не понимаю. Похоже, ничего у меня не получилось: никакое это не перемещение во времени, а дурацкий сон». И она крепко зажмурилась...

Закрывая за собой зеркало – дверцу, Глаша твердо реши-

ла никогда больше не ходить в потайную комнату – как и велела ей Софья Дмитриевна.

А на следующий день Глаша возвращалась из чайного магазина Перлова. Переходя от «китайского домика» на другую сторону Мясницкой, она остановилась, чтобы пропустить проезжавшие сани. Неожиданно ей в лицо бросилась метель, гулявшая по Москве вот уже несколько дней, и Глаша плотно сомкнула веки.

– Аглая Спиридонова, если я не ошибаюсь? – раздался справа голос Кулика. – А я как раз к Софье Дмитриевне иду.

Глаша опешила: что это? вчерашний сон?

– Не изволите ли со мной проследовать? – в полном соответствии с ее видением продолжил Кулик.

Глаша закрыла глаза, постояла так довольно долго, потом открыла их, и... пристав никуда не исчез.

– Соринка попала? – участливо спросил Кулик.

«Какая соринка?» – скользнуло поверх единственной, во весь мозг, мысли: если это явь, то что было вчера?

– А барыня болеет... – ответила Глаша после паузы, в течение которой поняла: вчера она, действительно, перенеслась во времени, но не в прошлое, а в будущее, на день вперед!

– Вот я ее и проведу. Доложу, что на прошлой неделе посетил начальство Алексея Арнольдовича. По долгу, так сказать, службы. Его превосходительство был весьма огорчен случившимся с господином коллежским асессо-

ром... Так не появлялся барин?

– Нет, не появлялся. А у барыни горячка, в беспамятстве она.

– Ну, Софья Дмитриевна мне, может, и не понадобится. Если вы, Аглая, поможете...

Сердце у Глаши вздрогнуло и повернулось как-то неловко, с тихой болью, и, словно от этой боли, родилось прозрение: а ведь знает Кулик про их с Софьей Дмитриевной тайну!

«Нет, нет! Я не верю! Ни за что на свете!»

Пока ужасное откровение не успело овладеть рассудком, его еще можно было вытеснить, заглушить, и Глаша начала мысленно ругать себя, называя выдумщицей и трусихой.

Путь предстоял недолгий. Подумав об этом, Глаша испытала некоторое облегчение: скоро уж придем, и все разъяснится, хуже нет неведения.

Перед самым домом Кулик замедлил шаг.

– Час назад у меня была Клавдия, – начал он тихим голосом, и сердце у Глаши опять вздрогнуло, и снова прежнее озарение возникло перед ней, мгновенно заставив уверовать в себя.

– Вчера, – продолжил пристав, – она обнаружила загадочный ход куда-то из спальни и увидела, как вы оттуда выходили. Не там ли, куда ведет этот ход, томится в неволе бедный Алексей Арнольдович?

Он замолчал и уставился на Глашу холодными глазами. В отличие от январского мороза, ярко подрумянившего ее

светлокожее лицо, этот взгляд сделал Глашу пунцовой.

– Господь с вами... – растерянно прошептала она.

– Значит так, – жестко сказал пристав. – Сейчас мы заходим в квартиру, и вы ведете меня к вашей барыне, чтобы она чистосердечно во всем призналась. В случае если та в беспамятстве, вы немедленно ведете меня к Алексею Арнольдовичу, и я вам как соучастнице преступления делаю послабление. И учтите: отпираться бесполезно, ведь Клавдии известно место, откуда начинается ход. Оно за зеркалом. Верно? А способ проникнуть туда, ежели вы решите молчать, отыщется непременно.

Глаша подавленно молчала. Никогда еще не попадала она в такую беду.

Клавдия открыла дверь, едва Кулик повернул вертушку механического звонка. На Глашу она не взглянула. Она вообще беспрерывно смотрела в пол, даже когда пристав обращался к ней.

– Что барыня? Приходила в себя?

– Нет, сударь.

– Ступай к зеркалу и жди меня... нас, – поправился он, покосившись на Глашу.

Софья Дмитриевна не была в горячке – это Глаша поняла сразу, войдя в кабинет. Она спала – глубоким, тяжелым сном, но спала.

– Барыня до сих пор не в себе? – спросил Кулик, вглядываясь от порога в серое лицо Софьи Дмитриевны.

– Да, – подтвердила Глаша, – она в беспамятстве.

– Ну что ж, в таком случае прошу проводить меня в известное вам место.

Глаша покорно шла впереди, не зная, как выбраться из беды, когда пристав произнес:

– Клавдия говорит, что на оправе зеркала имеется какой-то механизм. Это так?

И Глаша окончательно поняла: выхода у нее нет!

– Так, – ответила она и почувствовала спиной, что сосредоточенный взгляд Кулика ослаб.

Через несколько шагов они достигли спальни, но к удивлению обоих Клавдии там не оказалось. Тут же, правда, ее отсутствие объяснилось: зеркало было «открыто».

– Напрасно она не стала никого ждать! – с досадой воскликнул Кулик. – Ну, что же вы встали, Аглая? Ведите дальше!

Пока они шли по коридору, Глаше показалось, что внутри ее, где было все черным – черно, начинает отчего-то светлеть. Она поняла отчего, когда ожидаемо не встретила в потайной комнате Клавдии.

«Значит, не удержалась, присела на стульчик», – усмехнулась про себя Глаша.

А Кулик недоумевал:

– Странно, никого... Но что это за помещение?

Он прошел к столу, огляделся.

– Рассказывайте, Аглая! – потребовал Кулик. – Прямо

сейчас все рассказывайте!

И, готовый слушать, сел на ближайший стул.

Глаша его не остановила... А он в следующую секунду растворился в воздухе.

– Так что оба они пропали, – закончила свой рассказ Глаша.

Софья Дмитриевна молча лежала с закрытыми глазами, потом посмотрела на потолок, как в пустоту.

– Скажи, тебе их не жалко?

– Может жалко, а может... – Глаша потупилась и вяло продолжила:

– Все-таки не на том же свете они! А, если разобраться, – с Клавдией моей вины никакой нет. Это уж она сама... Ну и пристав... тоже сам...

Понимая, что ее неправда очевидна, вскинула голову:

– Да вы сами, Софья Дмитриевна, подумайте, чтоб теперь было, останови я его! Вина моя только в том, что вас послушалась – пошла в эту проклятую комнату, а Клавдия за мной подглядела! И кто больше виноват, что они пропали? Я или она?

– Как же нам теперь жить? – оставила Софья Дмитриевна ее вопрос без ответа.

– Как и прежде, – уверенно сказала Глаша.

– Как и прежде? А что мы скажем про Клавдию, про Кулика?

– А кто про них спросит? У Клавдии здесь родни нет,

все далеко – в Сибири, а с Куликом пусть полиция разбирается, где он и что. Вы же его всего один раз и видели – тогда, третьего января, помните?

– Помню, помню...

– И я его тоже никогда больше не встречала.

9

Во всем Глаша оказалась права. При розыске Кулика у полиции, конечно же, не вызвали подозрений ни хозяйка квартиры, ни, тем более, ее горничная, а про Клавдию Глаша всем говорила, что та уехала в другой город. Алексея Арнольдовича окончательно сочли пропавшим при неизвестных обстоятельствах. Через некоторое время Софье Дмитриевне назначили пенсию по случаю потери супруга – государственного чиновника. Деньги были небольшие, потому приходилось распоряжаться ими с экономией, чтобы только не съезжать с квартиры.

Где-то очень глубоко и тихо, как только и живут самые искренние убеждения, жила в Софье Дмитриевне вера во встречу с мужем. Вот только по-прежнему не знала она, каким образом это может произойти.

– Из потайной комнаты, – говорила ей Глаша, – можно попасть не только в прошлое! Помните, я ведь тогда перенеслась на день вперед, но это же будущее! А вы с Алексеем Арнольдовичем? Сами же говорили, что тот мир ни на что

не похож. И думать нечего – Алексей Арнольдович в будущем!

Софья Дмитриевна и сама давно поняла это. Но как туда наверняка попасть – ей неизвестно. Что же остается?

А остается жить. И ждать. Господь не оставит ее...

Часть 2

1

– Почему вы, товарищ Бартеньева, кружок диамата пропускаете? Илупин снял очки и сунул одну дужку в рот. В течение всей паузы он изучающе оглядывал Софью Дмитриевну, как если бы видел ее в первый раз. Напротив него стояла боком, видимо, давая понять, что у нее мало времени и она торопится уйти, не очень молодая и печально – красивая женщина: какой – то усталой, словно перед началом увядания, была ее красота.

Впрочем, Илупин ничего этого не видел, а видел только «белую кость – голубую кровь»: черты лица выписаны чисто, без единого огреха, породистая стать с этим плывущим от талии лебединым изгибом, достоинство в каждом движении, даже самом коротком (вот она провела пальцами по пуговицам блузки, и вспомнилась неказистая суетливость собственных рук), гладкая прическа, собирающая волосы на затылке (женщины теперь носят стрижку, а эта пучок), – все не как у простых людей!

– Вы спешите? – положил Илупин очки на стол.

– Да, у меня много работы.

– Но вы все-таки задержитесь: разговор будет серьез-

ный...

Софья Дмитриевна развернулась к Илупину лицом.

– Так когда? – спросил он.

– Что когда?

– Когда же вы свою несознательность искорените?

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Я люблю Россию...

– Вот-вот. У вас Россия, а у нас Союз Советских Социалистических Республик.

– Ну, хорошо, пусть СССР. И я совершенно не возражаю против построения социализма в отдельно взятой стране. В чем же моя несознательность?

– Еще бы она возражала, – хмыкнул Илупин. Стало быть, вы утверждаете, что являетесь сознательным членом общества. А как тогда расценивать вашу последнюю выходку?

– Какую?

– Уже забыли? Мы, работники Почтамта, написали письмо в Моссовет с просьбой о сносе башни Меншикова и предоставлении освободившейся площади под нужды Почтамта. Теперь вспомнили? Вас как штатного корректора нашей газеты попросили это письмо посмотреть, а вы? Швырнули его в лицо председателю месткома!

– Я не бросала письма – Вырубова говорит неправду! Я только отказалась его править.

– Почему же, если не секрет?

– Потому что задуманное вами – варварство. Но вы даже не понимаете этого.

– А не потому ли, что вы молитесь в этой церкви?!

– Совет народных комиссаров религию не запрещает.

– Но и не приветствует! Ну, ничего, не вы одна такая грамотная на весь Почтамт! Как видите, обошлись без вас...

Взгляд Софьи Дмитриевны насмешливо блеснул.

– Однако вы, кажется, получили отказ.

– Пока отказ. Потому что вмешался товарищ Бубнов. Ему, наверно, нравится соседство наркомата просвещения с церковью. Ничего, подождем, есть люди и повыше! Но вы-то! Не удивлюсь, если узнаю, что вы приложили руку к вмешательству наркома!

– Не переоценивайте меня.

– Да, госпожа Бартеньева, если б у вас не было покровителя в горкоме партии, вы бы у меня давно...

– Что давно?

– Вам известна участь ленинградских дворян после убийства товарища Кирова?

– А разве такие существовали? Я думала, что были только петербургские дворяне.

– Еще и издеваетесь? – Илупин... вкрадчиво подобревшим взглядом посмотрел на Софью Дмитриевну.

Он все-таки увидел, что Бартеньева красива. Точнее, он вдруг ощутил, как истомой обволакивается сердце – от того изначально женского, влекущего, что неожиданно открылось ему в ней. Странно, но раньше он ничего этого не замечал. Видно, классовое сознание Илупина до поры безогово-

рочно подавляло всякие природные инстинкты по отношению к представительницам дворянского сословия. И вот теперь...

Софья Дмитриевна удивилась: у Илупина внезапно посветлели глаза и зарделись уши. Изменившимся, дружелюбным тоном он произнес:

– А вы смелая...

Как и всякая женщина, она сразу же почувствовала возникший к себе интерес, но поощрить его было для нее невысказанно.

– Так я пойду?

– Мы же с вами еще не договорили.

Илупин надел очки, улыбнулся кривовато (но так уж он улыбался с измальства) и, встав из-за стола, расправил под ремнем гимнастерку с орденом Красного Знамени. Для придания разговору задушевности он отодвинул от стены пару стульев, сел сам и заставил сесть Софью Дмитриевну, оставив в своей руке ее руку. Софью Дмитриевну руку забрала.

– Ай, нехорошо! Нехорошо, Софья Дмитриевна, с секретарем парткома ссориться!

– Да я и не ссорюсь. Мне просто диалектический материализм не дается.

– Лукавите, дорогая моя! И без гимназического образования люди усваивают эту науку. Вот я, например. Простой кавалерист Первой конной, с двумя классами церковно-при-

ходской школы, а все мне в диамате ясно и понятно. Знаете что? Пожалуй, я с вами сам займусь диаматом. Можете в кружок не ходить.

Софья Дмитриевна еле удержалась, чтобы не отпрянуть от услышанного, как от пощечины.

– Это решительно невозможно! – Она говорила почти не слыша себя сквозь биение крови в висках. – Вы занятой человек, я не могу злоупотреблять вашим вниманием. – Софья Дмитриевна встала. – Извините, мне надо идти работать. Впредь я буду посещать кружок.

Кавалерист Первой конной некоторое время оставался сидящим в задумчивости. Потом перебрался за стол и произнес:

– Интересно, а кто в горкоме у этой Бартеньевой заступник?

2

Заступником Софьи Дмитриевны... была Глаша – Аглая Константиновна Спиридонова, заведующая организационным отделом горкома партии.

Неожиданный поворот в ее судьбе произошел, когда в конце 1916 года она познакомилась с Эмилем Сергеевичем Будным. Под его влиянием Глаша вступила в РСДРП, отчего в дальнейшем стала считаться членом партии с дореволюционным стажем, что было весьма почетно.

В ту пору Будный числился студентом Императорского технического училища и активно занимался революционной деятельностью. Увлечение идеями переустройства мира для многих студентов заканчивалось выбором нового жизненного пути. Впоследствии это обернулось острой нехваткой кадров в стране: революционеров было много, а специалистов нет.

Будный жил в непорочном браке со своей соратницей по борьбе с царизмом Елизаветой Штоль. Такое часто случалось не только среди революционеров, но и среди творческой интеллигенции. Безусловно, объяснения этому звучали самые возвышенные. Но так и лезет в мозг назойливая мысль о том, что у людей периодически включается сатанинский инстинкт самоуничтожения, отчего и начинают они, в порыве группового помешательства, исповедовать нечто подобное такому вот «светскому монашеству», а то и похлеще.

Увы, платоническое супружество не привело к умерщвлению плоти революционера, которая сразу же после встречи Будного с Глашей пробудилась, и от ее острого желания жить сам собою вправился застарелый умственный вывих. Жаркая страсть связала недавнего апологета воздержания и перетомившуюся в девицах горничную. Под влиянием этой страсти оказалось позаброшено дело революции, то есть общественное в который раз позорно проиграло личному. Но так у большевиков быть не должно, и Будный, обратив Глашу в свою веру, вернулся в революцию с но-

вой соратницей. Впрочем, со старой своей соратницей, Елизаветой Штоль, он почему-то не расстался. К невероятно-му огорчению Глаши он не оставил ее ни после Февральской революции, ни после Октябрьской, ни после Гражданской войны, ну а после избрания его членом ЦК партии об этом не могло идти и речи. Глаша, разумеется, пыталась утешиться тем, что в отношениях между собой они безвинны, как брат и сестра. И все-таки он ночевал не с ней!

Софья Дмитриевна невзлюбила Будного. Начать хотя бы с того, то при обильном смешении в нем разных кровей и никаком вероисповедании он полагал себя чуждым всякому человеческому роду – племени, и это ее пугало.

Блеснув черными, навывкате глазами, он приподнимал в широкой и невеселой улыбке свои и без того высокие скулы и сквозь тонкие губы произносил, ужасая Софью Дмитриевну: «Я, видите ли, просто живая материя!» Не оттуда ли истоки ее неприятия диамата?

Во-вторых, то, как обошелся он с Глашей, продолжая жить под одной крышей с другой женщиной, глубоко возмущало ее. Глаша давно стала ей родным человеком, и Софья Дмитриевна, как если бы была старшей сестрой, не однажды выговаривала ей, что такой образ жизни Будного порочен. Глаша всякий раз заливалась горячими слезами, сердце Софьи Дмитриевны заходило от жалости, и с некоторых пор она перестала затрагивать эту тему.

Ко всему прочему, Софья Дмитриевна знала, что за ее

нелюбовь Будный платит ей той же монетой. Не один раз он призывал Глашу порвать с классово чуждым элементом, от чего та отказывалась самым решительным образом. Конечно, как правоверный член партии Глаша признавала враждебность эксплуататорских классов делу социализма, но в своем отношении к ним делала для Софьи Дмитриевны исключение: несомненно, и она считала Софью Дмитриевну родным человеком.

Глаша старалась по возможности облегчить жизнь бывшей барыни, которую сначала «уплотнили», затем отказались принимать на службу, а потом еще несколько раз хотели «вычистить» из рядов советских работников. Это ее заботами удалось сохранить за Софьей Дмитриевной две комнаты некогда огромной квартиры, ставшей коммунальной (спальню, конечно же, и кабинет Алексея Арнольдовича), устроиться ей на должность корректора в газету Центрального почтамта, избежать увольнения во время кампаний по освобождению советских учреждений от чуждых элементов. Аглая Константиновна действовала всегда осмотрительно, проблемы решали ее подчиненные, звонившие кому следует и строго представлявшиеся: «это из горкома партии», так что «на местах» о личности покровителя Софьи Дмитриевны никто знать не мог.

Глаша давно жила отдельно от Софьи Дмитриевны, но, случалось, заходила к ней скоротать вечер. Вот и сегодня она пришла с пирожными и бутылкой «Мукузани».

– Как ваши новые соседи? – поинтересовалась она, перекладывая пирожные из коробочки в вазу.

Со времени своей встречи с Будным Глаша уж не называла Софью Дмитриевну «барыней», но обращаться на «вы» не перестала, тогда как Софья Дмитриевна по-прежнему говорила ей «ты».

– Полунины? Знаешь, они хорошие люди. Но у них беда: Николай и Ирина пропали в геологической разведке, никаких известий. Конечно, надежда еще не потеряна, но...

– Пропали... – Глаша протяжным, глубоким взглядом посмотрела на Софью Дмитриевну, которая, встретившись с ним, присела на стул.

– Пропали... – задумчиво повторила она.

– А с кем же дети? – прервала молчание Глаша.

– С бабушкой. Иринина мать сюда переехала. Представь, Лытневы уже шепчутся, что ребят нужно в детский дом отдать, бабушку выселить, а...

– А на освободившейся жилплощади поселить, конечно, их, – закончила фразу Глаша.

– Ну да, их же шестеро в одной комнате.

Софья Дмитриевна слегка покраснела:

– Это я одна в двух комнатах...

– Софья Дмитриевна! Всех-то вы жалеете! Ну, отдайте им одну комнату. Какую, например? Спальню?

– Нет, нет! Что ты?!

– Остается эта комната. Но она же смежная! Вы что, бу-

дете к себе через Лытневых ходить?

— Глаша, но ведь раньше между комнатами была стена, а вон там дверь — ты же помнишь. Нужно все восстановить, и пусть они забирают эту комнату, может, оставят в покое Полуниных. Им же все равно, за чей счет расширяться. Да и на мои квадратные метры никто уже не польстится.

3

Следует сказать, что в результате уплотнения, которому после 1917 года подверглось все городское население, квартира Софьи Дмитриевны превратилась в коммунальную жилплощадь на четыре семьи. Помимо Софьи Дмитриевны, которая также считалась семьей, квартиру населяли: Полунины, Лытневы и Трахманы. До недавнего вселения Полуниных здесь проживали Ртищевы, муж и жена, оба работавшие в торгсине и получившие за махинации три года тюрьмы с последующей ссылкой.

Софья Дмитриевна теперь уж и не помнит всех тех, кто после переустройства квартиры побывал ее обитателем. Никто надолго не задерживался. Время легко, как ветер семени, рассеивало людей. Однако с Лытневыми ничего похожего не случилось, а если б и случилось, Софья Дмитриевна никогда бы не забыла Евграфа Ефимовича и его родню.

Во-первых, памятным стало само его появление (остальные Лытневы присоединились к нему позже). Именно с это-

го дня запах карболки начал вытесняться из туалета более едким запахом пролитой мочи. Было очевидно, что предыдущий житейский опыт Лытнева не вмещал всех необходимых цивилизованному человеку навыков. Положение усугубилось, когда к семейству присоединился дед Ефим – отец Лытнева. С той поры висит в углу кабинета Алексея Арнольдовича собственная Софьи Дмитриевны крышка на унитаз. У Софьи Дмитриевны наворачивались слезы, когда она наткалась взглядом на деревянный обруч. Поражаясь вероломной изощренности Жизни, она всякий раз думала о том, что такое не могло привидеться и в самом ужасном сне ее молодости.

Во-вторых, Е. Е. Лытнев выделялся из общей массы прежних и настоящих жильцов повышенной склонностью.

– Да? – взъерепенивался он. – А чего это ты, Софья Дмитриевна, без очереди в ванную лезешь?!

Был он большеголов, твердолиц, с глубоко сидящими юркими глазами и лысиной, залегшей так, что оставалось только по клочку волос на висках.

– Бог с вами! Я вот здесь стою. Только за полотенцем отлучалась.

– Это с вами бог, а с нами Карл Маркс! Привыкли рабочий класс угнетать, на всем готовеньком жить...

Софья Дмитриевна никогда не слушала его до конца, а поступала так, как учила ее Глаша.

– Закройте варежку, Евграф Ефимович, – не то простуди-

тись! – говорила она и занимала свое законное место в очереди.

Удивительно, но Лытнев утихал. Точнее, он продолжал причитать, но это было просто бурчание, не стоившее ничьего внимания.

Судя по всему, кипевшее вокруг новое время несколько подвинуло его рассудок, отчего он согласно лозунгам дня всерьез начал считать себя тем самым гражданином, которому до всего есть дело. При этом сущность его – не очень смелого человека – осталась прежней.

Однажды Софья Дмитриевна по пути на службу заметила, что Лытнев из-за дерева пристально наблюдает за гражданином в шляпе и элегантном пальто, который пытался прикурить у встречных прохожих, но те как бы уворачивались от него, пробегая мимо. Когда же один все-таки остановился и протянул гражданину свою дымящуюся папиросу, Лытнев выскочил из засады и с криком: «Стоять!» бросился к ним. Тот, что давал прикурить, сорвался с места и, по – волчьи озираясь, вскоре исчез из виду. Тот же, который прикуривал, застыл в недоумении.

– Ты чего делаешь? – вскричал подскочивший к нему Лытнев. – Постановление Моссовета нарушаешь?

– Какое постановление? – удивился он. – Я только что с поезда, мне ничего неизвестно.

– А мы сейчас милицию! Там тебе разъяснят.

Лытнев пошарил глазами и, наткнувшись на приближаю-

шуюся Софью Дмитриевну, позвал:

– Дмитриевна, дуй сюда! Свидетелем будешь!

К той минуте она уже понимала, что речь идет об идиотском постановлении Моссовета штрафовать за прикуривание на улицах, поскольку бездельники задерживают спешащих на работу сограждан. Вот уж воистину: одни дураки законы пишут, другие следят за их исполнением!

– А идите вы к черту, Евграф Ефимович! – сказала, поравнявшись с ним, Софья Дмитриевна и повернула лицо к гражданину, мавшему незажженную папиросу.

– Не обращайтесь внимания, идите, куда шли.

– Дмитриевна! Ты это... Тоже нарушаешь! – беспомощно прокричал ей вслед Лытнев.

Отчетливо различая за спиной неотстающие шаги, Софья Дмитриевна обернулась:

– Впредь знайте: ни просить, ни давать прикурить у нас на улицах нельзя – это приводит к опозданиям служащих на работу.

Гражданин опешил. В его светлых глазах промелькнуло сомнение.

– Такого не может быть!

– Но ведь есть же!

– Я, видите ли, писатель, но на подобное у меня не хватило бы фантазии! А кто этот бдительный гражданин? Его фамилия не Шариков?

– Нет, это Лытнев, мой сосед по коммунальной квартире.

А как ваша фамилия, товарищ писатель?

— Она пока неизвестна публике.

— Что ж, успехов вам.

Они раскланялись, как в той прошлой, невероятно счастливой жизни, и тело радостно вспомнило этот поклон. Неизвестный писатель показался Софье Дмитриевне очень обаятельным. Еще несколько дней мимолетно вспоминала она его, однако приближавшаяся очередная «чистка учреждения» заставила ее забыть о той случайной встрече.

В отличие от Лытнева появление его супруги Капитолины Емельяновны было ничем не примечательно. Просто однажды возникла в квартире тихая женщина неопределенного возраста, глухо повязанная платком. Она носила черный плюшевый казакин и любила полужгать семечки на скамейке возле парадного. Ну не отпускала ее деревенская жизнь...

Вместе с Капитолиной приехал и ее свекор — дед Ефим. Вот его-то вселение прошло шумно. Старик оказался яростно пьющим человеком. В дальнейшем прояснилось, что пьянствует он не регулярно и не так, чтобы часто — лишь по случаю пролетарских праздников и знаменательных текущих событий, из числа которых новоселье выпасть никак не могло.

Впервые увидав деда Ефима, Софья Дмитриевна подумала: надо же, как Евграф постарел за ночь? Внешнее сходство отца и сына поражало! По характеру же дед Ефим был крепче сына и просто так от своего не отступался. Имелась

у него, правда, одна тщательно скрываемая тайна, делавшая его уязвимым.

На третий день отмечаемого новоселья, точнее вечер, Софья Дмитриевна, перепуганная предпринятой накануне попыткой Ефима штурмовать ее жилище, позвала к себе Глашу. Как и вчера, ровно в двадцать один час в коридоре слышались голоса:

– Справная барынька, в соку, – говорил дед Ефим. – Тебе, Евграшка, ни к чему – у тебя и так баба есть, а мне, вдовцу, в самый раз!

– Да ну ее, батя, она и в глаза вцепиться может!

– Ничо! И не таких объезжали!

На этих словах Глаша резко открыла дверь.

– Ефим Лытнев?

– Точно так, – хлопнул глазами дед от неожиданности.

– Служили в 1919 году у Колчака?

Старик сглотнул, и его глазки в глубоких норках затаились, припогасли. Дед мучительно молчал, из чего становилось ясно, что вопрос правомочен.

– У вас есть право на явку с повинной, – с подталкивающей мягкостью объявила Глаша.

– Какая еще повинная? – начал приходить в себя дед Ефим. – Мы это... землю пахали...

– Ну да, после Колчака. Так же ведь?

Старик мотнул головой.

– Не-е, я за Советскую власть.

И желая усилить утверждение, добавил глупость:

– ...сызмальства!

Глаша улыбнулась.

– Еще раз подойдешь к этой двери – и окажешься в ОГПУ.

Знаешь что это такое?

– Ага, – закивал Ефим. – Ага... Я все понял...

Он ухватил онемевшего сына за руку и поволок за собой.

– Извиняйте, ваше благородие, просим прощения... – пятался дед, у которого, похоже, случилось временное помрачение.

– Откуда ты о Колчаке узнала? – спросила Софья Дмитриевна, когда Глаша закрыла дверь.

– Да ничего я не узнала. Крестьяне – народ гнилой. Если не все поголовно, то очень многие из них служили у беляков. Этот факт, – она перешла на шепот, – еще товарищ Троцкий отмечал.

К другой, не столь агрессивной части семейства Лытневых, принадлежала, помимо Капитолины, Евдокия Ефимовна, ее золовка – младшая сестра Евграфа, пребывавшая все время в каком-то тихо-недобром настроении, справедливо вызванном ее некрасивостью, затянувшимся девичеством и отсутствием каких – либо иных, помимо устройства личной жизни, интересов. Такое сочетание обстоятельств кого угодно может превратить в отъявленного человеконенавистника.

К тому моменту, когда все же нашелся ей муж, процесс

превращения был необратим. Правда, с рождением у Евдокии дочки стало казаться, что не весь мир теперь охвачен ее нелюбовью. Увы, через некоторое время Евдокия уже снова изливала желчь на домочадцев, при этом свою порцию ее раздражения получала и маленькая Полина. Удивительно, но и отец, и брат, и невестка одинаково толстокоже реагировали на нее, а соседей Евдокия побаивалась задевать, отчего, наверно, и норовила сильнее всех досадить мужу. Но и тут у бедной женщины мало что получалось.

Молодой рабочий завода «Серп и молот» Николай Хворов (Евграф Лытнев работал вместе с ним, он – то и присватал тому сестрицу) постоянно находился в несокрушимо – благостном состоянии духа. Невосприимчивость его к ядовитой атмосфере семейного гнезда, заботливо создаваемой супругой, была, видимо, вызвана тем, что возвращался он с работы регулярно нетрезв.

Из упомянутых жильцов еще не рассказано о Трахманах, но тут мало что можно рассказать – настолько не заметна была их коммунальная жизнь. Мать семейства, 85-летняя вдова Броня Яковлевна, проводя на кухне немало времени (требовалось полноценно кормить дочерей), умудрялась быть там только собственной тенью: она никому не пересекала путь, не мешала у плиты или водопроводного крана. Даже Лытнев-сын не трогал старушку, видимо, не зная, как мотивированно применить к ней свою агрессию. Впрочем, такая его позиция возникла не сразу, а после сцены, увиденной как-

то поутру: Броня Яковлевна, разделявая ножом щуку, легко рассекала толстый хребет рыбины, который под мощным напором руки распадался со звонким хрустом. Уж о чем подумалось Евграфу неизвестно, только с тех пор не последовало и самой вялой нападки на Бронию Яковлевну.

А, может, тому способствовали слухи о прошлом сестер Трахман, Эммы Моисеевны и Беллы Моисеевны, которые во время Гражданской войны очень уж беспощадно, недрогнувшей, так сказать, рукой (и ведь было в кого!) расправлялись с врагами молодой республики. Теперь обе работали в Центральном Совете профсоюзов, у товарища Шверника, уходили рано, приходили поздно и о том, что их трудовой день окончен, можно было судить по долгому мытью Броней Яковлевной посуды после обильного ужина «девочек». Между тем, одной было 56 лет, другой – 58.

4

– На вашу жилплощадь и так никто польститься не может: у вас есть на нее законное разрешение.

– Конечно, есть, и спасибо тебе за него. Только помнишь, кем оно подписано?

Глаша опустила глаза, и Софья Дмитриевна тихо ответила за нее:

– Председателем Моссовета Каменевым. Согласись, сейчас не лучшее время предъявлять кому-либо этот документ.

– Ну, да, вы правы, Софья Дмитриевна.

– А теперь представь, мне при очередном уплотнении оставляют не спальню, а эту комнату...

Глаша поднялась, разливая по бокалам только что открытое вино.

– Вы не устали надеяться, ждать? Столько лет прошло...

– Нет, – твердо произнесла Софья Дмитриевна.

– Извините, ради бога! – Глаша села и с тоской посмотрела в вечернее окно, на сини которого смутно белели пилястры Меньшиковой башни. – Это я устала. Устала ждать, когда мировая революция свершится, когда мы коммунизм построим, когда Эмиль со своей Елизаветой расстанется. Жизнь проходит, а все только в будущем!

– Как же, Глаша, без мечты? Люди без нее не могут. Кто-то о коммунизме мечтает, кто-то о приумножении своих квадратных метров... Пол – беды, если мечта не сбывается, беда – если теряешь надежду на ее исполнение.

– Все – то вы правильно говорите, Софья Дмитриевна. Ну, за надежду? – грустно улыбнулась Глаша.

Они чокнулись бокалами. После утихших хрустальных звуков вдруг послышался тонкий стук, будто что-то слетело с кончика перезвона и несколько раз ударилось в какую-то из стен.

– Наверно, это мастерит сын Полуниных, – послушав тишину, сказала Софья Дмитриевна. – Саша хороший мальчик, толковый. Жаль будет, если в детском доме окажется.

Но тишина вновь раздробилась стуком, который падал теперь тяжелыми горошинам и выкатывался... из второй комнаты Софьи Дмитриевны.

Женщины переглянулись. Моментально все поняв, они кинулись в спальню. Руки у Софьи Дмитриевны дрожали, но она справилась – нашла на оправе зеркала кнопку. Дверца сдвинулась мягко, как если б ее на протяжении минувших лет регулярно смазывали, и посторонилась... перед стоявшей за ней Клавдией!

Глаза у Софьи Дмитриевны, вздрогнув, широко распахнулись – словно бы вскрикнули от ужаса разочарования: ведь никого другого, кроме Алексея, не ожидала она увидеть.

А Клавдия обвела всех растерянно – узнающим взором, из которого в следующее мгновение ускользнуло сознание. Не сделав и шага, она упала в обморок.

Софья Дмитриевна и Глаша перенесли ее на кровать. Только вдохнув уксуса (нашатыря не нашлось, а на духи «Красная Москва» и медицинский спирт никакой реакции не было), Клавдия пришла в себя.

Конечно, время изменило ее, но она не стала выглядеть хуже. Наоборот, Клавдия похудела до стройности, которая так привлекает многих мужчин в «ядренных бабах», а красота лица как бы обострилась из-за ушедшего выражения мягкости.

– Барыня... Глаша... Я вернулась?

Она села на кровати и посмотрела по сторонам.

– Мне сегодня, когда на Мясницкой стояла, ресница в глаз попала, я зажмурилась, и вот... Сколько же лет прошло!

– Это точно, уйма лет прошла после твоего предательства, – холодно отозвалась Глаша.

– Оставь, – попросила ее Софья Дмитриевна, – зачем ворошить прошлое!

– Да права Глаша, – спокойно согласилась Клавдия, – предала я вас, оговорила. За то и наказана: непонятно, какой жизнью живу...

И будто боль пролилась:

– Простите меня... Простите, если сможете...

У Софьи Дмитриевны повлажнели глаза.

– Да ладно уж, – потеплела и Глаша. – А на Мясницкой ты напротив Почтамта стояла?

– Ага, там.

Глаша и Софья Дмитриевна молча переглянулись.

– Скажи, – продолжила Глаша, – а что это на тебе надето? Ты откуда вообще?

Наступившую тишину, как нельзя кстати, оборвал голос из репродуктора:

– Говорит радиостанция Коминтерна. Московское время – двадцать один час. Сегодня, восьмого августа тысяча девятьсот...

– Я из той жизни, которая наступит через восемьдесят лет, – подсчитав, бесстрастно объявила Клавдия. – А надета на мне «олимпийка» – костюм такой спортивный.

Ладные формы ее были тесно заключены в темно-красные брюки и того же цвета куртку на молнии с витиевато начертанными буквами RUSSIA.

– Ты стала спортсменкой? – улыбнулась собственному вопросу Софья Дмитриевна. – И почему у тебя написано Раша, а не Юэсэсэр?

– Ну, во-первых, этот костюм не только спортсмены носят, а, во-вторых... нет там никакого СССР!

– Неужели белые все-таки победили? – изумилась Софья Дмитриевна, виновато посмотрев на Глашу.

– Да какие белые! Ни они, ни фашисты, никто ничего не смог сделать – сами все развалили!

– Этого не может быть! – возмутилась Глаша.

– Глашка, Глашка, – по-доброму покачала головой Клавдия. – Расслабься, ты до этого... точнее, уже мы – не доживем!

И взглянула, дрогнув иронично губами:

– А ты, надо понимать, большевичка?

– Именно так и понимай!

– Ладно, я вам сейчас кое-что про светлое будущее расскажу, но сначала... Софья Дмитриевна, а ведь Алексей-то Арнольдович – там!

– Где?! – Софья Дмитриевна схватилась обеими руками за спинку кровати.

– Ну, там, откуда я теперь...

То, что узнали Софья Дмитриевна и Глаша, показалось им невероятным.

– Значит, в 19 часов 9 мая 1975 года? – раскрасневшись, сияя глазами, переспросила Софья Дмитриевна.

– Да, я хорошо помню и время, и число, и год.

– У Почтамта?

– У Почтамта.

Софья Дмитриевна в волнении прошла по комнате, села на стул, счастливо закрыла лицо руками. Но через минуту уронила их, ошеломленная неожиданной мыслью:

– Как же я доживу до этого 1975 года?

– Вообще-то считается, что те, кто вляпался в эту байдю, ну, побывал, как мы, в другом времени, потом перестают стареть. И, между прочим, у меня это, кажется, уже началось.

Софья Дмитриевна недоверчиво взглянула на Клавдию.

– А все-таки, ты ничего с годом не перепутала?

– Да нет же, не перепутала, это день тридцатилетия Победы.

– Победы?

– В Великой Отечественной войне, которая началась в 1941 году, а закончилась в 1945-м. Нам ее еще предстоит пережить. Да и много чего другого... – погрустнела Клавдия.

Из последовавшего затем рассказа вытекало, что буду-

щее, мягко выражаясь, совсем не лучезарно. Конец повествования продолжила тяжелая тишина; в тягостном молчании каждая думала о своем.

– Я, наверно, поеду в Сибирь, к своим, если живы, конечно, – первой заговорила Клавдия. – А если и не осталось никого – все равно поеду. Вот только как без документов?

– Паспорт я тебе постараюсь выправить, – пообещала Глаша.

– А то, Глаш, поехали со мной, – оживилась Клавдия. – Пока не поздно, поехали! Нельзя тебе здесь.

– Мне ничто не угрожает, – сухо проговорила Глаша.

– Ага, все они тоже так думали. И маршалы, и генералы, и министры... Не дури, Глашка, поехали. Вон и Софью Дмитриевну с собой возьмем – до 1975 года еще далеко!

– Мне нельзя: Алексей Арнольдович может раньше вернуться.

– Не может. У них там раньше 1975 года ничего не получается.

– Разве он не бывает на Мясницкой?

– Еще как бывает! Напротив Почтамта часами стоит.

Софья Дмитриевна схватилась рукой за горло, закрыла глаза и, показалось, окаменела, если б через несколько секунд не блеснула на щеке мокрая дорожка. Потом она резко встала и вышла.

– Долго рассказывать, – ответила на недоуменный взгляд Клавдии Глаша, решив без ведома Софьи Дмитриевны не от-

крывать ей, как оттуда возвращаются.

Стукнула дверь. Послышался голос Софьи Дмитриевны:
– Глаша! Клавдия! Что вы там сидите! Идите к столу!

6

Вот уже второй день в ожидании паспорта Клавдия жила у Софьи Дмитриевны. Поначалу она все ходила и поражалась тому сокрушительному преобразению, которое постигло некогда шикарную квартиру. Более всего было ей обидно за кухню, превратившуюся из просторной, облицованной белоснежным кафелем комнаты в загромождённое столами и табуретами помещение с облупившимися крашеными стенами и пятнисто – рыжим потолком. На следующий день горечь от обступившей ее новизны улеглась, и Клавдия начала присматриваться к жильцам. Первой, с кем она пообщалась, была Капитолина Емельяновна.

– Подвинься, что ли, – сказала Клавдия, присаживаясь на скамейку у подъезда, где Капа по обыкновению лузгала семечки.

Было четырнадцать часов третьего дня рабочей шестидневки¹ – время, когда дома остаются лишь пенсионеры, грудные дети и иждивенцы. Сама Клавдия считалась

---

¹ С ноября 1931 года по июнь 1940 года в СССР существовала шестидневная рабочая неделя с фиксированным днем отдыха, приходящимся на 6, 12, 18, 24 и 30 число каждого месяца.

родственницей Софьи Дмитриевны, приехавшей ненадолго у нее погостить. Предусмотрительно сменив свою «олимпийку» на платье из сильно обедневшего гардероба бывшей коллежской асессорши, она чувствовала себя стеснительно в одежде непривычного фасона. Однако при виде казакина Капитолины настроение у нее улучшилось.

– Где ж такими бархатами торгуют?

– Чего? – подняла Капа сердитое лицо с нависшей на губе шелухой.

Оценив ее неотзывчивость, Клавдия решила тему не развивать.

– Забей. Проехали.

– Чего? – по-прежнему щетинисто спросила Капа.

– Ты чего все время «чевокаешь»?

– Чего?

«Совсем без ума», – подумала про нее Клавдия и собралась уходить, но, вспомнив, что в квартире заняться нечем – в комнатах Софьи Дмитриевны она прибралась еще утром, а ужин готовить рано, – решила остаться.

– Что в кино сейчас показывают? – помолчав, спросила Клавдия.

– Так это ж, – улыбнулась вдруг Капа, – «Волга-Волга».

– А... Знаю... Отстой.

– Как это?

Тут Клавдии вспомнилась Софья Дмитриевна, которая го-

ворила ей: «Ты следи, пожалуйста, за своей речью, не стоит привлекать к себе лишнего внимания. Я заметила, у тебя слова используются не в их прямом значении, да и сама ты стала совершенно другой». «Ну, конечно, – оправдывалась Клавдия, – там, откуда я, скромные кухарки не выживают!».

– А по телевизору какой сериал идет? – тщательно подобрали она слова.

– Чего? – снова впала в недоумие Капа, но Клавдия догадалась, что женщина ни в чем не виновата:

– Телевизоры у вас есть?

– Какие еще визоры?

– Понятно, я так и думала. Значит, про мобильники и спрашивать нечего.

Лытнева давно уже перестала грызть семечки и сидела, нахохлившись, докапливая раздражение, чтобы взорваться. Клавдия, сообразив, что последняя фраза именно к этому сейчас и приведет, быстро вынула из кармашка сотовый телефон.

– На, смотри, – засветила она экран. – В этой штукевине много интересного. Можно, например, в головоломку поиграть или пасьянс разложить. У меня тут полно всего загружено. Только зарядка скоро кончится.

Испугавшись, что опять наговорила много непонятных слов, она напряглась, но Капа увлеченно разглядывала ярко-красочные изображения карт, выведенные Клавдией из раздела меню «Игры».

– Ишь, красота-то какая! – восхитилась Капитолина.

– А их еще передвигать можно. Вот, пальцем. Попробуй сама.

После нескольких упражнений по перемещению карт Капа спросила:

– А можно мужу со свекром показать?

– Почему же нет.

– Только Евдохе нельзя. Она психованная, вредная.

– Да у вас вся семейка такая, – не сдержалась Клавдия. – Видела я твоих... мужа со свекром.

Капитолина посмотрела исподлобья, и Клавдия поспешила дать добрый совет:

– Вам йогой заниматься надо. Она нервную систему успокаивает. Я, например, занималась.

– А как это? Научишь?

– Легко. Иди, готовь деда. Да и сама размотайся. Ты что, в этом платке родилась?

– Нам, мужним, нельзя простоволосыми ходить.

– Так то в деревне. А вы ж теперь понаехали, москвичами стали! Соответствуйте!

Для демонстрации упражнений Клавдия отправилась одеть «олимпийку», столь рельефно выделявшую достоинства ее фигуры. Тем временем дед Ефим негодовал:

– Ты, Капитолина, совсем сбрендил! Надо ж, чего удумала! Я сейчас вожжи возьму...

В этот момент на пороге лытневского жилища появилась

Клавдия:

– А вы и вожжи из деревни прихватили?

При виде стройной красавицы дед осекся, сердце старого бабника дрогнуло, и он неожиданно широко заулыбался полным крепких желтых зубов ртом.

– Как же без острастки? Без нее никак нельзя!

– Да, дедушка, все бы вам кулаком проблемы решать... Отстаем от прогресса, тормозим! Гуманней надо быть!

– Да какой я дедушка! – приосанился Лытнев. – Я какую хошь молодку еще затопчу!

– Ну и хорошо, – мягко согласилась Клавдия. – Тогда, чтобы силы ваши не слабели, нужно делать упражнения. Сейчас покажу.

– Ну, валяй, уговорила! – посвечивая глазками, кивнул Ефим.

– Вставайте вот здесь, рядом... А где Евдокия ваша?

– Она в магазин пошла, с дочкой, – объяснила Капа. – Не скоро вернется. Пока все витрины не оглазеет, ни за что не вернется.

– Интересный у нее шопинг, – улыбнулась Клавдия.

А дед сипло рассмеялся:

– Какие – то ты слова непонятные говоришь, красавица! Видать, шибко ученая. Наверно, ученой нашей барыньки будешь!

Клавдия недоуменно посмотрела на него, посерьезнела.

– Показываю первую асану – позу, значит. Называется –

поза горы.

Затем последовали позы дерева, змеи, плуга... Ученики кряхтели, ломая неподатливость собственных тел, и, хоть мало что у них получалось, – налицо было неведь откуда взявшееся азартное усердие.

– А теперь последняя поза – поза счастливого ребенка! Показываю: бедра прижаты к животу, ноги согнуты в коленях, руки обхватывают стопы. Держимся десять дыханий.

Поза счастливого ребенка деду Ефиму не удалась, поскольку он совершенно обессилил, продолжая, впрочем, смотреть на учителя с прежним блеском в глазах, а Капитолина в своей широкой юбке не стала задирать ноги, надо понимать, из соображений приличия.

– Ладно, можете без «счастливого ребенка», но остальные позы – каждый день! Обязательно с Евдокией!

И в полголоса добавила:

– Не заметите, как полюбреете...

– А ты еще-то придешь нам асаны эти показывать? – перекатившись со спины на карачки, спросил дед.

– Теперь все в душ! – не ответила Клавдия. – Приступаем к водным процедурам!

– В душ? – удивился старик. – Не, мы в баню ходим. По воскресеньям... тьфу-ты... по шестым дням шестидневки...

Клавдия обвела взглядом Лытнева – старшего и, мысленно махнув рукой, решила идти прочь. Но вдруг в глаза ей

бросилась Капа – как выются ее растрепавшиеся золотистые волосы, как теперь не похоже это ее разбурянившееся лицо на тот недавний, обернутый серым платком лик.

– Сколько тебе лет?

– Так уж двадцать шесть, – засмушалась Капа.

– Что ж ты в Москву приехала, а нигде не работаешь, не учишься, никуда не ходишь?

– В кино хожу...

– В кино... Я раньше тоже все в кино ходила...

Клавдия помрачнела, молча открыла дверь, обернулась:

– И не носи ты этот платок... и казакин свой выброси – прямо, старуха в них!

Пока дверь закрывалась, Капа стояла, потупившись, а дед Ефим растерянно моргал – то ли пораженный наглостью гостыи, то ли ее правотой.

Теплый душ (если читатель помнит, дом был газифицирован еще с дореволюционных времен) отогнал надвигавшуюся хандру. Уловив по пути из ванной запахи готовящейся пищи, Клавдия свернула в кухню.

Броня Яковлевна хлопотала над ужином для «девочек».

– Котлетки? – втянув ноздрями, поинтересовалась Клавдия.

– Да, да, – осветилось доброй улыбкой морщинистое лицо старушки. – Эммочка и Беллочка очень их любят.

– Разнообразить не пробовали? Ну, навернут они их, как всегда, с картошкой... Или у вас что – то свое, нацио-

нальное, к ним подается?

– Да, нет, картошка... Еще макароны.

– Советую попробовать гамбургеры.

Броня Яковлевна вежливо – внимательно посмотрела на Клавдию.

– Я не знаю такого блюда.

– Проще простого готовится. Фарш остался? Еще булка понадобится, соленый огурец, зелень, кетчуп – и Макдоналдс отдыхает!

– Извините, я глуховата, но, кажется, все есть, кроме последних двух продуктов.

– Что, зелени и кетчупа нет?

– Зелень я как раз сегодня на базаре купила, а вот кетчук и макдас – я даже не представляю, что это такое...

– Хорошо, обойдемся без Макдоналдса, – быстро нашлась Клавдия. – А соус томатный имеется?

Броня Яковлевна закивала головой:

– Имеется, имеется.

Вскоре Клавдия уже делила для пробы первый гамбургер между Броней Яковлевной и Капой, которая появилась на кухне в сарафане и без платка. Через некоторое время присоединился к дегустаторам и дед Ефим, единолично съевший целый гамбургер. То ли йога начала действовать, то ли бутерброд был так хорош, но и дед, и Капа приобрели благостно – умиротворенный вид.

– Вот таким образом, – подвела итог Клавдия. – Одними

котлетами и закормить недолго. Ладно, мне самой пора ужин готовить. Что тут из продуктов? – открыла она кухонный шкафчик Софьи Дмитриевны – Сосиски... Отлично! Можно сделать хот-доги!

Все находившиеся на кухне дружно подались к Клавдии...

7

Удивительно, но всего за три дня Глаше удалось оформить Клавдии паспорт – положение и связи во все времена позволяют делать многое, эпоха ограничивает лишь понятие этого «многого».

Поезд, на который был куплен билет, отправлялся утром следующего дня с Северного вокзала.

– С Северного? Это что еще за вокзал? – удивилась Клавдия.

– Ну, тот, что при тебе назывался Ярославским – пояснила Софья Дмитриевна.

– Понятно... Его потом назад в Ярославский переименовуют, – поделилась знанием Клавдия.

А в ночь перед ее отъездом Софья Дмитриевна была разбужена всхлипами. Она подошла к Клавдии, присела на край постели, погладила ее по волосам.

– Мне страшно, – прошептала Клавдия. – Страшно жить, зная все наперед...

Она облокотилась на подушку, глубоко вдохнула, чтобы

унять плачь, немного успокоилась.

– На Маросейке есть дом... Он в глубине стоит, к нему между других домов как бы переулочек тянется.

– Да, да, есть.

– Так вот, на нем потом доску повесят в память о погибших вот в эти самые годы: всем, кто жил в этом доме, ушел и не вернулся. Так слово в слово и написано, я запомнила. А ведь это были такие же Лытневы, Трахманы, Полунины, хорошие, плохие, самые обыкновенные люди. И знаете, что ужасней всего? Там, откуда я теперь, тоже есть свой Сталин! Правда, он не такой кровожадный, как этот, но тоже царь: что ни взбредет ему в голову, то так и делается. Алексей Арнольдович говорит, что Россия по заколдованному кругу ходит – от революции к царю, от царя к революции...

– А, может, Господь хочет нас, русских, чему-то научить?

– Да чего-то не учимся мы... русские... Чудно! Потом мы разделимся на россиян и всех остальных; россияне – это те, которые все себе заграбастали. Они прямо так и объявляют по телевизору – вы же знаете, что это такое?

– Конечно, у нас уже несколько лет телевидение существует. Только оно широко не доступно.

– А там очень доступно, не знаешь, куда от него деться. Так они откровенно говорят: мы – россияне, Газпром наше национальное достояние!

– А что такое Газпром? Газовая промышленность?

– Да, это то, с чего они кормятся. Ну и с нефти еще.

– В прошлом твоём рассказе таких подробностей не было.

– Да вы и без них сильно загрузили... И потом, Глашку жалко. Вы-то, Софья Дмитриевна, переживете, а она – идейная...

– Да, Глашу жаль... Знаешь, политика – это как бы одна из оболочек жизни, а человек намного сильнее, если для него внешние ее стороны – не главное. Есть же семья, любовь, дети...

– Ну да, еще богатый внутренний мир! У вас-то с ним все в порядке, а вот у меня, например, он небогат. И где ж ему разбогатеть в этом чертовом Тобольске, куда я приеду накануне войны и буду потом вкалывать на каком-нибудь эвакуированном заводе под плакатом «Все для фронта, все для победы!», и хорошо, если ноги не протяну. А когда победим, снова нужно будет выживать – без мужиков, потому что они на этой проклятой войне полягут, в голоде, в разрухе... Нет, Софья Дмитриевна, человек не должен знать своего будущего! Отпустите вы меня!

– Из этого мира? – сразу же поняла ее Софья Дмитриевна.

– Да! – с надеждой в глазах кивнула Клавдия. – В любой другой. Авось, не пропаду!

Софья Дмитриевна раздумывала недолго.

– Хорошо, – спокойно сказала она и встала. – Ты только «олимпийку» не надевай, оденься в платье. Я тебя жду.

Комната, в которую Софья Дмитриевна не ступала с того

рокового дня, все так же освещалась нetaющей свечей, и все так же на стене висел портрет дамы.

Она обняла Клавдию:

– У тебя всегда будет шанс вернуться.

Клавдия отвела голову назад, посмотрела удивленно покрупневшими глазами.

– Нужно, находясь лицом к Почтамту, крепко зажмуриться. Именно это ты и сделала, когда ресница под веко попала.

– Так просто?! – изумилась Клавдия.

– На первый взгляд просто, но, путешествуя во времени, можно оказаться в любых обстоятельствах. Будь осторожна.

На этот раз Клавдия обняла Софью Дмитриевну, и они замерли.

– Ну, удачи тебе, – пожелала Софья Дмитриевна. И возьми вот это. Пригодится в любом времени.

Раскрыв ладонь, на которой лежали рубиновые серьги, она положила их в кармашек Клаудиного платья.

8

Следующим утром Софья Дмитриевна позвонила Глаше:

– Я тебя вечером очень жду. Зайдешь?

Оттого, что виделись они накануне – Глаша приносила Клавдии паспорт и билет до Тобольска, – Софья Дмитриевна поразилась происшедшим с ней всего за сутки изменениям.

– Плохо спала, – сказала осунувшаяся, непривычно тихая

Глаша. – Да и в горькоме...

Она махнула рукой и придвинула чашку чая.

– Глаша, ты меня прости, но этот разговор не терпит отлагательства.

– Какой разговор? – вяло спросила Глаша.

– Ты же сама видишь: все, о чем рассказывала Клавдия, это не выдумки! За тобой придут не сегодня – завтра!

– Но я ни в чем не виновата!

Софья Дмитриевна горько усмехнулась.

– Конечно, можно ничего не бояться, надеясь на справедливый суд. Только нет его и в помине. Ты просто пропадешь! Ни за что!

Глаша сидела с несогласным видом, однако было заметно, что внутреннее она не противится этим словам.

– Что же мне теперь – скрываться? Даже, если я, как Клавдия, в Сибирь уеду, все равно меня найдут!

– А Клавдия в Тобольск и не уезжала...

– Где же она? – невольно оглянулась Глаша.

– А ты не догадываешься?

Лицо у Глаши покраснело, и глаза с мерцанием остановились на Софье Дмитриевне.

– Что, вы и мне предлагаете то же самое?!

– Другого выхода нет! Согласись, это же не безусловная гибель, как если бы ты осталась здесь – ожидать своего часа. И потом, можно всегда вернуться, ты же знаешь. Риск, конечно, есть, однако в таком деле его и не может не быть. Зна-

ешь, я открыла Клавдии способ возвращения, но она до сих пор там. Я уверена – ничего плохого с ней не случилось.

Глаша, облокотившись на стол, закрыла лицо руками.

– Глаша, родная, у меня никого, кроме тебя... Когда ты уйдешь, я останусь одна. Совершенно одна! Но так я хотя бы буду знать, что ты есть, и, может, когда-нибудь мы даже встретимся. Ты должна уйти. Понимаешь?

– Да, – прошептала Глаша, отстраняя руки. – Но Эмиль! Я не могу без него!

– Так будьте вместе! Здесь он обречен, а там, да еще вдвоем, вы не пропадете, поверь!

Глаша благодарно положила ладонь на руку Софьи Дмитриевны.

– Как его только уговорить? Боюсь, что это невозможно.

– Отчего же? Пусть он это сделает ради тебя! Не может же революция быть дороже любимой женщины!.. Ах, да, по тому, как ты смотришь, я понимаю, что сказала глупость. Значит, найди другие доводы! Я и сама бы с ним поговорила, но ты знаешь – он меня недолюбливает.

– Хорошо, Софья Дмитриевна, я постараюсь, я найду подходящие доводы.

– Вот и договорились! Но сделать это нужно в самое короткое время. Завтра вечером я вас жду.

* * *

Так никогда Софья Дмитриевна и не узнала, сумела ли Глаша убедить Будного, потому что на следующий день их обоих арестовали. Софья Дмитриевна ходила в тюрьму с передачами для Глаши до тех пор, пока ей не объявили, что гражданка Спиридонова осуждена на десять лет без права переписки. От Клавдии Софье Дмитриевне было известно, что это означает...

И она осталась совершенно одна.

Часть 3

1

– Соня! – вскрикнул Алексей Арнольдович.

Вокруг было все то же – светлый день, движение улицы, трое странных молодых людей – только не было ее.

– Они, наверно, фокусники! – отреагировал на исчезновение Софьи Дмитриевны тот, что был с кольцами в ушах.

– Пошли отсюда, пацаны, не нравится мне это, – отозвался его приятель, и троица, гуськом ринувшись на другую сторону улицы, запетляла между авто.

А Алексей Арнольдович, словно его обесчеловечили, как механическое существо, стал заведено озираться. А когда душа к нему вернулась, вошла в голову и первая мысль, которая показалась страшнее смерти: Сони теперь не будет... Она буквально подкосила Алексея Арнольдовича – чтобы не упасть, он сел на тротуар.

Прохожие аккуратно обходили его стороной, пытаясь, видимо, угадать, что заставило так напиться этого прилично одетого гражданина. Алексей Арнольдович осознавал свое положение, но как бы через слой все не уходящей из головы первой мысли, а потому смазано, без боли. Когда кто-то, в отличие от других, принял Алексея Арнольдовича за ни-

щенствующего интеллигента и бросил ему монетку, тот в порыве негодования вскочил на ноги. Жертвователь испугано поспешил скрыться, но благодаря ему с Алексея Арнольдовича сошла оторопь.

«А почему я, черт возьми, решил, что больше не увижу Софью?! Раскис, как кисейная барышня! И вообще – что происходит?!»

Опять, теперь осознанно, оглядевшись, он вспомнил о сделанном незадолго до исчезновения Софьи заключении: вокруг неведомая, чужая Москва. И таким естественным порывом потянуло его к дому, к родным стенам.

Войдя в свой переулок, Алексей Арнольдович приободрился, поскольку на фоне обнаруженных по пути перемен он уж и не чаял увидеть серый дом с рыцарем в нише над парадным. Впрочем, и этот дом печально не соответствовал прежнему своему виду.

Из-за того, что часть его была срезана, он казался покалеченным ради воплощения чьей-то нелепой идеи пристроить к нему другой дом, который теперь стоял встык, никак не облицованный, из голого кирпича. Алексей Арнольдович нервно отыскал взглядом окна своей квартиры и тогда понял, что вместе с частью дома утрачена и их с Софьей спальня. Да, все было не так, все было другим...

У подъезда – ни швейцара, ни звонка, как открыть дверь? Алексей Арнольдович заметил на стене некое устройство с множеством кнопок, но изучить его не успел, так как дверь

поплыла, выпуская седовласого, статного господина, который очень внимательно на него посмотрел. А Алексей Арнольдович, не мешкая, бегом поднялся на свой этаж и позвонил в свою квартиру.

На звонок вышел господин, очень похожий на только что повстречавшегося Алексею Арнольдовичу, но заметно его старше.

– Чем могу быть полезен?

– Где Софья Дмитриевна? И как вы оказались в моей квартире? – возбужденно произнес Алексей Арнольдович, уже, впрочем, догадываясь, что совершенно непонятен этому господину.

Тот отступил на полшага и смущенно кашлянул:

– Что, простите?

– Супруга моя, Софья Дмитриевна Бартеньева, она где? – угасая надеждой быть понятым, тихо спросил Алексей Арнольдович.

Но вдруг во взгляде господина, до того притуплённом замешательством, блеснула острота. Его память явно что-то обнаружила!

– Проходите, пожалуйста.

Алексей Арнольдович, конечно, не узнал своей квартиры. Он вообще перестал ожидать встречи со вчерашним в его первозданном виде, которое, если и представало, то всегда осыпавшимся, как старая лепнина, с какими-то выветренными контурами.

– Добрый день. Я профессор Полунин Игорь Леонидович. Был он высок, жилист, с гривой полных сил волос, и если бы не морщинистая худощавость лица, ничто не выдавало бы его солидный возраст.

– Коллежский асессор Бартеньев Алексей Арнольдович. Профессор вежливо поклонился, при этом Алексей Арнольдович заметил уплывающее с поклоном начало улыбки.

– Я чем-то вас рассмешил?

– Нет, нет! Простите! Сейчас я вам все объясню. Проходите, садитесь.

Они расположились в бывшей гостиной Алексея Арнольдовича, которая таковой, видимо, являлась и теперь.

– Дело в том, – начал профессор, – что я... знал Софью Дмитриевну.

Алексей Арнольдович напрягся, застыл взглядом на Полунине.

– Господин Бартеньев, сейчас вы услышите много необычного, поэтому прошу вас: воспринимайте все как можно спокойнее... Итак, ранее здесь была коммунальная квартира, то есть квартира не для одной семьи, а для нескольких. Я тоже в ней жил вместе с родителями и братом. А одну из комнат занимала Софья Дмитриевна. Той комнаты теперь нет, ее не стало вместе со снесенной в 1980 году частью дома.

– В каком году?! – не поверил услышанному Алексей Арнольдович.

– В 1980-м. В далеком теперь прошлом. Потому что вы,

господин коллежский асессор, находитесь там, где подобных чинов не существует, – в двадцать первом веке, в году от Рождества Христова две тысячи... Послушайте, вам сейчас не повредит немного коньяку...

Полунин спешно достал из серванта пару тонких рюмок и темно-матовую бутылку с надписью на этикетке «Courvoisier Napoleon».

Первый же глоток вкусом и ароматом расколдовал оцепенение мышц и понес по сосудам тепло того же изысканного аромата. А в следующую секунду Алексей Арнольдович удивился, как не ко времени и не к месту вошло ему в голову сравнение: шутовский коньяк, пожалуй, помягче...

– Ну вот, теперь вы не такой уже бледный, – заметил профессор. – Еще рюмочку?

– Пожалуй...

Из дальнейшего разговора Алексей Арнольдович узнал, что Полунин – ученый, который давно занимается проблемой перемещения во времени. После подробного рассказа Алексея Арнольдовича о происшедшем профессор, улыбаясь, объявил:

– Все очень просто – вы с супругой оказались в «кротовой норе». Алексей Арнольдович так и не понял, чем являются эти «норы» по сути, потому что представить пространство и время как единое целое, имеющее свою геометрию, было непосильно для его воображения. Усвоил он только то, что вход в «нору» невидим, и на свою беду попадая в нее,

жертва переносится в другое время, а окажется оно будущим или прошлым – это неведомо никому. Но точно установлено, что местоположение обоих концов «норы» неизменно. «В вашем случае – это, условно говоря, потайная комната и Мясницкая напротив Почтамта» – пояснил профессор.

«Вот, сию, слушаю лекцию, – думал Алексей Арнольдovich, – а сам я – никто, и ничего у меня нет... И, главное, нет Сони!»

– Она вернулась в свое время, а вы остались в нашем, – заключил профессор. – Дело в том, что обратное путешествие через «нору» всегда заканчивается там же, где и началось.

– Ну, а потом что с ней было? Ведь вы жили здесь одновременно с Софьей Дмитриевной.

– Она исчезла...

– Как? Куда?!

Профессор пожал плечами.

– Мне известно об этом лишь со слов брата. В то время он оканчивал Московский университет, а я с родителями жил в Ленинграде, то есть в Петербурге... Вы простите меня, но теперь не имеет никакого значения, как исчезла Софья Дмитриевна, потому что ни один человек из вашего прошлого все равно не дожил бы вот до этого солнечного дня за окном. В нашем времени ваша встреча невозможна! Если только Софья Дмитриевна сама не попробует сюда переправиться. Но она этого как раз и не сделает, иначе я не стал бы ее живущей в коммуналке.

– Но почему не попробует?

– А где гарантия, что с того вашего стула перенесешься именно в нужное время? Полагаю, ваша супруга интуитивно это поняла. Не могла же она знать о «кротовых норах»!

– Профессор, а не допускаете вы, что ее исчезновение и есть попытка переместиться сюда? Только неудачная.

Игорь Леонидович задумался.

– Маловероятно: она бы сделала это сразу, на эмоциях, а не через столько лет... Впрочем, надо о том случае расспросить брата поподробнее. Он, кстати, недавно был у меня. Ушел прямо перед вашим появлением.

Далее Полунин начал рассказывать о своем младшем брате Андрее Леонидовиче, который был известным писателем. Вместе они купили эту квартиру, точнее, выкупили комнаты у остальных жильцов. И хотя Андрей Леонидович живет в другой квартире – с семьей, но приезжает сюда часто, чтобы поработать – у него здесь свой кабинет.

А квартира эта, можно сказать, родовое гнездо. Здесь жили еще их бабушка и дедушка, их мать с братом, здесь и они всем семейством долго жили – два брата, мать и отец – Леонид Лифшиц, доктор медицины, профессор, хирург от Бога! Ему потом клинику в Петербурге дали...

Алексей Арнольдович слушал, но слышал плохо.

«Неужели этот добросердечный старик не понимает, что мне сейчас не до истории его семьи?»

Впрочем, услышав фамилию «Лифшиц», Алексей Ар-

нольдович удивленно посмотрел на Полунина.

– Да, да! Он родной нам отец! А фамилия у нас по матери, потому что... время такое было: не слишком-то евреев жаловали. И в ваше время, кажется, тоже...

Боюсь показаться невежливым, но скажите, Игорь Леонидович, что же мне дальше делать?

– Ну и вы не сочтите меня жестокосердным: вам остается только надеяться на скорый научный прогресс. Понимаю, это похоже на пожелание больному дожидаться изобретения лекарства от его недуга. Но в вашем случае все не так безнадежно. Вам вообще везет.

– В чем же? – усмехнулся Алексей Арнольдovich. – В том, что в «нору» редко кому случается угодить? Так это все равно, что живым на тот свет попасть...

– Я вам сочувствую, поверьте. Но! Во – первых, вам повезло, что после случившегося вы оказались именно здесь, а во – вторых, представьте, мы с коллегами вплотную подошли к осуществлению управляемого процесса перемещения во времени. Точнее, мы его уже осуществляем, но только на незначительные отрезки.

Далее профессор углубился в объяснение теоретических основ этого процесса. Безусловно, он отдавал себе отчет, что Алексей Арнольдovich – человек, не посвященный даже в азы этой научной проблемы, а потому, как и в случае с «кротовыми норами», старался найти самые понятные слова. Обычно у слушателя это вызывает благодарное

желание проникнуться учением – пока от безуспешности не приходит скука, ну а потом, когда одержимый знаниями профессор переходит на сплошные термины, – наступает раздражение. Но Алексей Арнольдович с радостью воспринимал каждую услышанную новость – о том, например, что «под эфиром подразумевается структурный уровень материи, предшествующий уровню элементарных частиц», или о том, что «с расширением Вселенной, – а она, как известно, расширяется, – плотность эфира уменьшается и что, если увеличить его плотность в каком-нибудь объеме, все предметы, находящиеся там, будут выброшены в прошлое, которому соответствует достигнутая плотность эфира».

Да и как же было ему не радоваться, если за последние несколько часов отчаяния появилось хоть что-то обнадеживающее. И даже не хоть что-то, а вполне конкретный предмет, который Игорь Леонидович принес из другой комнаты.

– Этот прибор, – с трогательной улыбкой показывал профессор, – позволяет изменять плотность эфира. Уменьшение плотности внутри прибора ведет к его увеличению в некотором радиусе вокруг, то есть к перемещению в прошлое всего, находящегося в этом радиусе. И знаете, что именно мы туда помещаем? Кинокамеру! Да, да, обычную кинокамеру! Мы располагаем ее напротив Центрального телеграфа на Тверской, там, где на фоне герба часы и календарь...

– Но Телеграф находится вместе с Почтамтом на Мясницкой!

Полунин досадливо поморщился:

– Давно уже нет. И, если хотите знать, в известном вам здании Почтамта теперь вообще биржа! Однако мы отвлеклись, а я, между тем, подошел к самому интересному. Итак, мы располагаем камеру напротив календаря, который устроен на Телеграфе, выражаясь фигурально, с незапамятных времен, включаем прибор, и... Вы меня понимаете?

– Понимаю, – кивнул Алексей Арнольдович, кажется, и в самом деле начиная понимать то, о чем только и стоило ему знать.

– Совершенно верно! – довольно заулыбался Игорь Леонидович. – Камера переносится в прошлое, фиксирует дату, мы возвращаем ее и определяем, в каком времени она побывала! Конечно, все не так просто, как я вам описал, но суть эксперимента именно такова.

– И далеко вам удалось проникнуть в прошлое?

– Четверть века уже осилили. Задача уплотнения эфира до нужного значения решена нами не до конца. В этом деле имеются непреодолимые пока трудности, в частности...

Алексей Арнольдович больше не слушал профессора: он неожиданно и мгновенно заснул.

Сон был без действия, тихий. Где-то рядом все время находилось что-то теплое, родное, милое. Порой он видел его, но вскользь и смазано – через дымку. Кажется, это мама бы-

ла, а иногда он в этой женщине ее не узнавал и не узнавал никого, но любил так, что сочилась слезою душа. А потом душа вспомнила и узнала! «Как же ты забыл меня?» – спросила Соня с печальной улыбкой. «Нет, что ты!» – рассмеялся он. «Видишь, – сказала она, – я с тобой рядом, но не вместе...» И вдруг спросила: «Ты сегодня на службе не задержишься? Возвращайся скорей!» Это они уже сидели у себя в столовой и пили кофе...

2

Профессор был абсолютно прав насчет везения Алексея Арнольдовича. Случись на месте Полунина кто-либо другой, неизвестно, что ждало бы Алексея Арнольдовича в дальнейшем. (Хотя известно: у пришельцев из другого времени, если они, конечно, пытаются это доказать, всегда один путь – в сумасшедший дом.) А так он оказался хотя бы избавлен от необходимости заботиться о пропитании и крове. Впрочем, в известном смысле, он жил у себя дома.

Именно это Игорь Леонидович в самом добродушном тоне сообщил ему на следующее утро. А с другой стороны, добавил профессор, Алексей Арнольдович – его гость, заботу о котором он целиком принимает на себя. Игорь Леонидович очень старался не задеть честолюбия коллежского асессора, а Алексей Арнольдович, в свою очередь, проявил благоразумие. Правда, было непонятно, чем ему заняться в ожидании

научного прорыва.

– Какое у вас образование? – поинтересовался профессор.

– Юридическое.

Полунин покачал головой.

– У нас юристов – пруд пруди! Да и законы Российской империи, сами понимаете, весьма отличны от законов Российской Федерации...

– Федерации?

– Именно. Империя осталась в далеком прошлом...

Из прихожей донесся шум.

– А, это Андрей. Мы разговаривали с ним вчера по телефону. Когда вы так внезапно заснули.

– Значит, он знает обо мне?

– Конечно. И ему не терпится с вами познакомиться.

В следующую секунду брат профессора появился в дверях и с широкой улыбкой направился к Алексею Арнольдовичу.

– Андрей Леонидович Полунин, – пожал он ему руку. Искренне рад встрече.

И с пониманием добавил:

– Чего о вас, разумеется, не скажешь... Поверьте, мы с Игорем Леонидовичем сделаем все, чтобы облегчить ваше положение.

– Алексей Арнольдович Бартенев, коллежский асессор в прошлом, – отрекомендовался он и заметил:

– Это ведь с вами мы вчера столкнулись в подъезде?

– Верно.

– Вы запомнились мне, потому что вскоре я увидел Игоря Леонидовича: вы же очень похожи.

– Да, да, а оба мы похожи на нашу мать. Замечательная была женщина. И отец был человек чудесный. К сожалению, их давно нет. А они могли бы рассказать о Софье Дмитриевне намного больше, чем мы с Игорем Леонидовичем. Тем не менее...

Грохочущий стук в дверь прервал Андрея Леонидовича. Безудержность, бушевавшая за порогом, порождала только одну мысль: дверь не выдержит! Братья поспешили в прихожую. Едва Игорь Леонидович открыл замок, тут же дверь мощным рывком отпрянула, и в прихожую ворвалась молодая, с широким телом и пригожим лицом женщина. Была она в сильном возбуждении и растрепана: мокрые глаза исступленно блестели, а маленький белый передник как-то боком взбирался на ее высокую грудь. Оставляя без всякого внимания братьев, она устремилась в гостиную.

И Алексей Арнольдович увидел Клавдию!

– Слава Богу! – выдохнула она, освобождаясь от страха и напряжения, и расслабленно осела на ближайший стул. – Куда же вы пропали, барин?

Алексея Арнольдовича уже трудно было чем-либо удивить, а потому мозг его, не растрачиваясь на изумление, сразу же определил: Клавдия побывала в потайной комнате.

– Как-то тут все не так, – огляделась она и, вспомнив, что прислуге не следует сидеть в присутствии хозяев, попы-

талась встать.

Чужой мир только сейчас начал проникать в ощущения Клавдии, и у Алексея Арнольдовича возникло опасение, устоит ли ее психика, когда Клавдия узнает о своем перемещении в другую жизнь.

– Сиди, не тревожься, – остановил ее Алексей Арнольдович, размышляя над тем, как бы помилосерднее открыть ей новую реальность.

Клавдия все же встала.

Тем временем в гостиную вошли Полунины. Их лица не выражали удивления, поскольку нетрудно было догадаться: раз Алексей Арнольдович встретился с кем – то знакомым, значит этого человека постигла участь его самого. Их лица выражали озабоченность, ибо логично возникал вопрос: что делать, если поток пришельцев не иссякнет?

– Господа, – сказал Алексей Арнольдович, – это Клавдия, моя прислуга.

Она слегка присела в поклоне. Братья, улыбаясь, также учтиво поклонились.

– Алексей Арнольдович, прикажете что-нибудь подать? – спросила Клавдия в замешательстве оттого, что ее представили гостям.

– погоди, – мягко ответил он, указывая ей на стул. – Расскажи, откуда ты такая перепуганная? Что с тобой случилось?

– Так с Мясницкой я... А случилось...

Она настороженно посмотрела на Полуниных.

– Можно, я не здесь расскажу?

– Не беспокойтесь, – пришел на помощь профессор. – Мы с Андреем Леонидовичем подождем в соседней комнате.

Вскоре Алексей Арнольдович узнал, что вечером 2 января приболевшая Клавдия услышала из своей комнаты какое-то движение в квартире и возбужденные голоса Софьи Дмитриевны и Глаши. Утром Глаша сказала ей, что Алексей Арнольдович ушел из дома и пропал. Его искали, из полиции приходил участковый пристав. Софья Дмитриевна от расстройства слегла в горячке и болеет до сих пор. А на днях Клавдия случайно увидела, как Глаша закрывала большим зеркалом в спальне какой-то ход. Клавдию она не заметила, а та не стала выдавать себя. Сегодня, повторив Глашины действия с механизмом на зеркальной оправе, Клавдия прошла через ход до комнаты со свечой...

Рассказ ее был довольно правдив, а то, что она умолчала о своем доносителъстве и оговоре Софьи Дмитриевны и Глаши, – так признание в этом она отложила на потом... в случае, конечно, если язык повернется.

– Я села на стул и очутилась вдруг на Мясницкой, да еще летом... Я побежала домой, а здесь вы, вернулись. Раз так, то все будет хорошо. Вы мне только скажите, что такое произошло с погодой? И вообще...

Она вдруг подалась вперед, в глазах ее заплескалось беспокойство, а потом там метнулся страх:

– ... что же это происходит?!

Наивно было надеяться, что распознавание ею роковых перемен произойдет еще не скоро.

Алексей Арнольдович потом ругал себя за ту робкую попытку ответить, от которой начинавшаяся истерика бедной женщины немедленно полыхнула пожаром. Словно ребенок, который, плача, не желает с чем-то мириться, она не хотела признавать никаких перемещений во времени, как если бы свершившееся можно было отменить слезами и своим неверием в него.

Из соседней комнаты поторопились выйти Полунины. Трое мужчин окружили Клавдию. Увы, уговоры на нее не действовали, доводы рассудка распаляли еще больше. Оставалось отступить и ждать.

Через некоторое время все же стали появляться короткие периоды успокоения. В одну из таких передышек Клавдия, мертво глядя в одну точку, сказала:

– Не полюбила б я вас, барин, так и не сподличала бы... А теперь меня Бог наказал...

Она, конечно, и не думала, что момент признания не только когда-нибудь настанет, но и придет так быстро и так легко окажется открыть свою сокровенную, стыдную тайну.

Рассказав о ней, она снова заплакала, но это, пожалуй, уже были слезы без отчаяния.

И в самом деле, судя по тому, что Клавдия все чаще утихала, прислушиваясь к словам, внутренне она начала прини-

мать свою судьбу. А довод, приведенный Игорем Леонидовичем, окончательно примирил ее с действительностью.

– Живите здесь, будете нам готовить, и будет у вас почти все, как и прежде... Уверяю, этот мир ничуть не хуже того, который вы покинули. Более того, вас бы там ожидали очень большие потрясения. Вы в этом скоро убедитесь, поскольку вам с Алексеем Арнольдовичем в самое ближайшее время необходимо будет ознакомиться с Историей. Как и вообще со всем, что позволит избегать конфузов в общении с окружающими.

Закончив говорить, профессор улыбнулся и протянул Клавдии, как и до этого Алексею Арнольдовичу, узкую рюмку коньяка.

– Нет, барин, я не пью...

– Ну, вот вам и первый урок: в нашем времени так ни к кому не обращаются! А вы все же выпейте, я настаиваю...

Вскоре Клавдия окончательно успокоилась, и Алексей Арнольдович решился на вопрос, который прояснил бы одно случайно замеченное им обстоятельство.

– Клавдия, из твоего рассказа следует, что от моего исчезновения 2 января и до твоего появления здесь прошло несколько дней. Я не ошибаюсь?

– Нет, барин... то есть Алексей Арнольдович. Сегодня 14 января. Ну, там 14 января.

– Странно, – повернулся он к Игорю Леонидовичу, – но я нахожусь у вас едва ли больше суток.

– Ничего странного в этом нет. Время там и здесь течет по-разному. Получается, в вашем прошлом оно течет раз в 12 быстрее. Дело в том...

– погоди, Игорь Леонидович, – остановил его брат. – До прихода нашей Клавдии я хотел кое о чем рассказать Алексею Арнольдовичу. Если никто не против, я начну?

Все посмотрели на Клавдию, в лице которой не было и тени прошлого горя, напротив, теперь на нем читался один лишь познавательный интерес ко всему окружающему.

И Андрей Леонидович приступил к рассказу о жизни в коммунальной квартире и, главным образом, о Софье Дмитриевне.

– Хорошая она была, отзывчивая... И, знаете, как-то не помню ее пожилой. При том, что по молодости всех, кому уже за тридцать, считаешь стариками.

– Да, да, – вмешался профессор, – ты, Андрей, верно подметил. И я теперь знаю, причину этого! Сказался побочный эффект пребывания в ином времени, так называемый «эффект нестарения». Гипотезу о возможности такого явления выдвинул в свое время академик Лизунов...

– Достаточно, Игорь, – прервал Андрей Леонидович. – Все равно я больше ничего не пойму. Думаю, Алексей Арнольдович и Клавдия тоже.

Историю квартиры и ее обитателей он изложил сжато, не задерживаясь на подробностях. Угадывалось, что ему хочется побыстрее подойти к концу, где, по-видимому, всех

ожидало нечто удивительное.

– В ту пору, как, впрочем, и сейчас, я вел дневник. Он сохранился, и, если у кого-то появится желание полистать его, – милости прошу. А теперь перейдем к самому главному – к обстоятельствам исчезновения Софьи Дмитриевны. Игорь Леонидович сказал, что вас, Алексей Арнольдovich, это интересовало в первую очередь.

Алексей Арнольдovich кивнул.

– Так вот, в тот день она куда-то отлучилась из квартиры, а вернулась в сопровождении мужчины. Оба сияли улыбками. Через некоторое время Софья Дмитриевна вышла на кухню, чтобы заварить чай, и больше я ее не видел. Когда спустя несколько дней по заявлению жильцов квартиры милиция вскрыла ее комнату, она оказалась пуста.

На Алексея Арнольдovichа было больно смотреть. Лицо его мгновенно посерело и осунулось.

– Просто у нее появился мужчина, – мужественно подытожил он, – с которым Софья Дмитриевна, решив никого не извещать, уехала. У нее, безусловно, было на это...

– Простите, за неуместную интригу, – поспешил перебить его Андрей Леонидович. – Дело в том, что тем мужчиной были вы!

– Я?!

– Именно вы! Еще вчера, когда мы встретились с вами в подъезде, ваше лицо показалось мне отдаленно знакомым, а вспомнил я вас только сегодня. Не сомневайтесь: я безоши-

бочно узнаю лица, которые видел однажды.

– Но, чтобы это был я, – такое просто невозможно!

В пронизанной недоумением тишине усмехнулся профессор:

– Очень даже возможно, дорогой Алексей Арнольдович. Это значит, что нам удастся переместить вас в... Какой это, Андрей, был год?

– 1975-й, 9 мая, 30-летие Победы. Я даже время могу называть: полвосьмого вечера.

– Теперь понимаете, что ваша ситуация не так уж безвыходна? Хотя честно признаюсь: нам с коллегами предстоит еще много работать, чтобы вы 9 мая 1975 года в 19 часов появились, ну, скажем, напротив Почтамта...

– Почему на Мясницкой, а не сразу здесь?

– А знаете, что здесь не гостиная была, а комната Стодольских? Вы хотели бы своим появлением пошатнуть их психику? Единственно, куда вас относительно смело можно было бы переместить, так это в комнату Софьи Дмитриевны. Но мы лишены такой возможности, поскольку ее комнаты теперь не существует. И потом, вы же с Софьей Дмитриевной где-то встретились, раз она выходила из дому, прежде чем вернуться с вами. Нет, нет, пусть это будет Мясницкая, напротив Почтамта! Там, где вы и расстались. Поверьте, все сложится!

По ночам его порой выносила из сна будоражащая, ни с того, ни с сего являвшаяся мысль: «Господи, да ведь я, по сути, не живу, а только ожидаю, и никто не знает, когда выданную мне жизнь я смогу начать проживать! Это уму непостижимо!» Следом приходило искушение отказаться от мрачного будущего – прошлого (отечественную историю он хорошо усвоил) и, покинув свой остров ожидания, отправиться вместе с действительностью в неизвестное. Он представлял, что обязательно найдет себя на каком-нибудь поприще, обзаведется собственным домом, семьей...

Вот до этого момента все у него получалось, а потом... Рядом он видел только Софью. И ничего с собой поделаться не мог. Если бы знать, что ее нет в живых или что она его забыла, оставалось бы только смириться с этой потерей! Но она – живая и ждала его. И он хотел прожить с ней свою жизнь – все равно, в каком времени!

Алексей Арнольдович часто ходил на Мясницкую и подолгу простаивал напротив Почтамта, испытывая каждый сантиметр того места, откуда Софья исчезла, – чтобы и самому угодить в ту чертову «кротовую нору».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.